

Елена Владимировна
САМАЯ ТРУДНАЯ РОЛЬ
повесть

Глава 1

Небо начинало отливать тёмной синевой. Люба сидела с ногами на подоконнике. Она наблюдала, как последние проблески света теряются в потемневшей в сумерках листве. С улицы повеяло прохладой. Люба зябко повела плечами, но не стала закрывать окно. Взять одежду потеплее тоже было лень.

В окно настойчиво врываются звуки июньского вечера: шелест листвы, чьи-то оживлённые шаги, весёлые голоса.

Люба жила на первом этаже многоквартирного дома. Почти прямо перед их подъездом стояла лавочка. Лавочка от слова «love», «любовь», утверждала Саша, Любина сестра. Если на этой лавочке с кем-нибудь уединиться, когда цветёт сирень, то всё получится. Скамейка и впрямь была окружена густо разросшейся сиренью, которая, впрочем, уже отцвела.

В это время года (и суток) все лавочки были обитаемы. Тем более такие уютные. Вот и сейчас здесь обосновалась компания. Ребята – двое парней и три девчонки, примерно её возраста, – на слух определила Люба.

Они вели себя не очень-то и шумно, но Люба всё равно с неудовольствием прислушивалась к поминутным взрывам их смеха. Сейчас ей хотелось тишины.

Рядом заверещал мобильник. Люба взглянула на экран и с усилием нажала отбой. Седьмой раз за этот вечер!

На последнем ежегодном вечере для старшеклассников она познакомилась с парнем по имени Данила. Данила Берестов, представился он. Звонок был от него.

Данила был старше и учился в институте. На вечер он пришел с Ксенькой Стрижовой, но сразу же обратил внимание на Любу. Ещё бы!

Сестёр-близняшек Любу и Сашу Шелест трудно было не заметить. Обе они были эмо-герл, и в этот вечер, одетые подчеркнуто в черное и розовое, на общем фоне изысканных вечерних платьев, локонов и открытых плеч они смотрелись залетными пташками, не принятыми в стаю.

Данила довольно бесцеремонно оставил свою подружку и подошел к Любе.

– Девушка, вы ничего не теряли? – спросил он.

– Нет.

– Точно?

Он сделал движение фокусника, достал из воздуха шоколадное яйцо с сюрпризом и протянул его Любе.

Она улыбнулась.

– Можно пригласить вас на танец?

– Легко! Только я что-то музыки не слышу.

Собственно, торжество еще не начиналось, и музыку только-только настраивали. Этим как раз занимался Макс, Сашин парень. Сестра тоже крутилась возле аппаратуры.

Данила склонился к Любе. Он был значительно выше ростом.

– Боюсь, что потом будет поздно, – доверительно признался он. – Таковую девушку у меня быстро уведут.

– А ничего, что ты не один? – Люба кивнула на обиженную одноклассницу, оставшуюся за спиной Данилы.

– Хуже, если ты будешь не одна, если я вдруг щёлкну клювом, – он был не против перейти на «ты».

Люба фыркнула.

– А ещё раз так сможешь? – она попыталась скопировать жест фокусника.

– Да пожалуйста!

Шоколадные сюрпризы у него, видимо, кончились, и в этот раз он протянул Любе огрызок карандаша.

И карандаш, и сюрприз, который оказался игрушечным автомобилем, лежали сейчас на письменном столе.

Воспоминания Любы прервал взрыв хохота. Смеялась компания на лавочке. Хохотали ребята, тоненько заливались девчонки. Люба нахмурилась.

Она сама толком не знала, зачем она ответила на заигрывания Данилы. Сначала ей было просто скучно и захотелось поразвлечься. Саша не расставалась с Максом. Люба держалась возле них, но не могла же она весь вечер быть третьей лишней...

После первого же танца Данила от неё не отходил, напроочь забыв о своей подруге. Стрижова метала на них гневные взгляды.

Данила забрасывал Любу комплиментами, и ей это льстило. Льстило само внимание такого взрослого и красивого парня. А заодно Стрижовой хотелось досадить.

Та была из породы не особо умных, но старательных отличниц, девчонкой самолюбивой, завистливой и вредной. На одной из последних контрольных она здорово подставила Сашу: воспользовалась её шпорами, а вернуть – побоялась, что засекут. Сашке пришлось выплывать самой. Ничего, обошлось. Но за подобное, считала Люба, Ксеньку не грех и проучить.

Окончательно потеряв внимание Данилы, Стрижова стала делать вид, что ей наплевать. Она громко смеялась и будто не замечала своего бывшего кавалера. Потом собрала вокруг себя группу одноклассниц. Те время от времени принимались перешёптываться между собой, поглядывая на обоих: осуждающе – на Данилу и презрительно – на Любу.

Люба отвечала им весёлым вызовом. Ей было не привыкать плыть против течения. Быть эмо непросто. Большинство недолюбливает даже не тех, кто стремится выделиться из толпы. Таких сейчас навалом. Не любят тех, кого не удастся сбить на компромисс и заставить принять то, что нравится большинству, или то, что попросту принято.

Для Любы и её друзей косые челки и значки на одежде были не частью модного имиджа, а знаком отличия, по которому можно было распознать своего, чтобы не оставить его без помощи и в одиночестве.

Вчера еще корпевшие над учебниками с усердием Золушек, Любины одноклассницы сегодня волшебным образом преобразились. Сегодня они были принцессами и наслаждались этим. Но каждая из них с затаённым страхом думала об утре следующего дня, которое снова превратит её в одну из тысячи.

Люба не боялась. Ей нечего было бояться. Она всегда оставалась сама собой, свободной птичкой, случайно залетевшей на приглянувшийся ей праздник жизни и способной в любой момент упорхнуть. А заодно увлечь за собой принца.

Данила спросил у неё номер телефона.

Вообще-то Люба намеревалась отшутиться, улизнуть домой и оставить студенту незабываемые воспоминания о себе. Но заметила стоявшую неподалеку Стрижову.

Люба обворожительно улыбнулась и собственными пальчиками вбила свой номер в записную книжку Данилиного телефона. Чмокнула на прощание экран мобильного, вернула его владельцу и исчезла.

Сашка шутливо пригрозила, что они с Максом всё расскажут Егору. Егор был Любиным парнем. Он жил в другом городе, а с Любой они познакомились в прошлом году, когда Егор приезжал в гости к Максиму, которому приходился сводным братом.

Это была любовь с первого взгляда! Егор уехал, но с тех пор дня не проходило без того, чтобы они не общались друг с другом, по телефону или по Интернету.

Люба посмеялась вместе с сестрой. Она не собиралась продолжать случайное знакомство. А сегодня Данила позвонил...

Она тряхнула головой, отгоняя назойливые мысли. Ребята на лавочке снова засмеялись. Да так громко и неожиданно, что Люба вздрогнула. Она тут же рассердилась на саму себя. С каких это пор её раздражает чужое веселье? Нет, так дело не пойдёт!

– Эй, – окликнула она смеявшихся. Хохот прекратился. Ребята перешли на разговор вполголоса. «Нам, что ли? – А то кому же...» – расслышала Люба.

– Да вы, вы, на лавочке, – уточнила она.

– Что, мешаем? – отозвался один из компании.

– Наоборот! Вам весело, а мне скучно. Хоть бы анекдот какой рассказали.

– Запросто! А ты где?

– Я здесь!

– Не вижу.

– Смотри лучше! Или мне из окна прыгать?

Густые ветви раздвинулись, и показалась голова Любиного собеседника. Он огляделся и заметил силуэт девочки в окне первого этажа.

– Ага! – воскликнул он.

Голова скрылась. Собеседник обогнул кусты сирени более удобным круглым путем и встал перед Любой, глядя на неё снизу вверх.

Паренёк оказался симпатичным: светловолосый, голубоглазый, с крупными веснушками, заметными даже в темноте. Любе показалось, что раньше она его уже где-то встречала.

– Ух ты! – он смотрел на Любу, не скрывая восхищения.

Девочка улыбнулась. Она сидела на подоконнике, эффектно вытянув длинные ноги в коротких шортах. Восхититься было чем, и она это прекрасно знала.

Некоторое время они молча рассматривали друг друга. Потом Люба вопросительно вскинула голову.

– Меня Родион зовут, – спохватился мальчишка.

– Люба, – представилась она.

– Спускайся к нам, – предложил Родион.

– Родик, ты где? – послышался голос одной из девчонок.

Она выглянула из-за ветвей, тут же скрылась, что-то сообщила остальным, и все засмеялись. Потом послышались шаги, и рядом с Родионом встал второй парень.

– Ух ты! – повторил он возглас Родиона.

Люба притворно нахмурилась.

– Ну а как же обещанный анекдот? – потребовала она.

– Сейчас! – с готовностью отозвался второй.

Анекдот он рассказал старый-престарый. Люба цокнула языком и, наклонив голову, прислонила два пальца к виску на манер пистолета.

– Чего? – не понял парень.

– Баян! – перевёл Родион. – От твоей истории со скуки застрелиться можно.

Люба засмеялась.

– Ты эмо, что ли? – второй кивнул на её прическу.

С чёлкой Люба экспериментировала незадолго до выпускного, и теперь даже в полутьме можно было разглядеть лиловые и серебристые пряди, закрывавшие половину её лица.

Родион хихикнул.

– Девочка-эмо сидит на трубе, мечтает о смерти, скорбит о судьбе, и вдруг труба взрывается, Газпром – мечты сбываются! – продекламировал он.

– Дураки!

Люба соскочила с подоконника, захлопнула раму и задернула штору.

И тут мобильник завел мелодию, присвоенную Любой одному-единственному человеку. Звонил Егор. Сговорились они сегодня, что ли?

– Привет, полосатый! – раздался в трубке его голос.

«Полосатый», «пчёл» – так называл Любу Егор за её пристрастие к одежде в полосочку, да еще за рыжеватый оттенок её волос – натуральных, не крашенных.

Волосы, густые, тяжёлые, с неповторимым каштановым отливом, достались сёстрам Шелест от природы. Класа до шестого обе носили за спи-

ной по две толстых косы, до тех пор, пока не примкнули к эмо и, к ужасу матери, без сожаления не избавились от этого богатства.

– Привет! – отозвалась Люба.

– Как дела? Ты что-то не написала, как прошёл вечер.

– Времени не было. Да и о чём писать-то? Вечер как вечер. Всё те же лица.

– Весело было?

– Весело. А у тебя?

– Тоже.

Егор замолчал.

– Ну! – заговорила Люба, принуждая Егора продолжить разговор.

– Мы до утра зажигали, – сообщил Егор. – Потом ещё по улицам гуляли... Слушай, у тебя всё нормально?

– Да. Почему ты спрашиваешь?

– Так, показалось. Что-то ты сегодня вяло жужжишь. Устала?

– Устала, – соврала Люба.

– Тогда ладно. Не буду мешать. И правда, поздно уже. Спокойной ночи.

– Угу.

Люба положила трубку.

В коридоре хлопнула входная дверь. Вернулась Саша.

Глава 2

С минуту Люба прислушивалась к тихой перебранке сестры с матерью. Обе разговаривали вполголоса. В соседней комнате спал двухлетний брат Лёвка, а в зале перед бубнившим телевизором после тяжёлого трудового дня дремал отчим. Обоих тревожить не стоило.

Мать выговаривала Саше за позднее возвращение, та вроде бы оправдывалась, но в голосе её не слышалось ни малейшего раскаяния. В конце концов в коридор вышел-таки разбуженный отчим, что-то прогудел, и всё стихло.

Саша, не заходя в комнату, отправилась в ванную. Мать скрылась в Лёвкиной спальне. Отчим вернулся в зал и выключил наконец телевизор.

С отчимом они жили года четыре. Отец оставил их намного раньше. На нового маминого мужа сёстрам жаловаться не приходилось. Дядя Андрей хорошо к ним относился, ни в чём не отказывал, и даже когда появился Лёвка, его отношение к девочкам не изменилось. Он, казалось, не видел разницы между своим ребёнком и приёмными дочерьми.

Ещё одним его ценным качеством оказалось умение улаживать споры. Сколько Люба помнила, он никогда не пытался присоединиться к нравоучениям матери, играя роль строгого папочки. На их сторону, стремясь дёшево завоевать расположение, он тоже ни разу не встал. И при этом нельзя было сказать, что он соблюдал нейтралитет. Скорее уж дядя Андрей исполнял роль

третейского судьи. Вот и теперь: пришёл, высказался, и все мирно-спокойно разошлись думать о своем поведении.

Саша вернулась из ванной умытая и весёлая. Она с размаху плюхнулась на кровать, потревожив мирно спящего кота Персика. Кличка животного никоим образом не была связана с его породой. Кот был обыкновенный, не персидский. Просто Саша, которая подобрала во дворе орущего заморыша, больше всего любила персики.

Кота подбросило, он, толком не проснувшись, кинулся было прочь, но Саша подхватила его на лету и усадила к себе на колени.

– Как погуляли? – спросила Люба.

– Нормально. Погода – супер! Мы с Максом в кино ходили.

– Что за фильм?

– Про конец света. На Землю летит страшный метеорит, а главный герой со своей главной героиней хочет всех спасти. Не помню, как называется.

Саша возбуждённо тараторила и теребила Персика, который, окончательно проснувшись, пытался незаметно улизнуть из-под гладившей его руки. Саша рассеянно, но непреклонно пресекала попытки животного освободиться.

– Фильм только сейчас кончился?

– Нет, мы с Максом гуляли потом. Погода – вообще класс! – повторила она.

Люба посмотрела на окно, забыв, что сама задёрнула штору.

– А ты чего окно закрыла? Открой, а то душно, как в коробке, – сказала Саша, поймав её взгляд.

Люба, помедлив, распахнула окно. Прислушалась к тишине на улице. Давешняя компания, видимо, покинула лавочку. Она вернулась на прежнее место.

– Мы, кстати, встретили этого твоего... Которого ты у Ксеньки отбила, – сообщила Саша.

– Да? – равнодушно отозвалась Люба.

– Про тебя спрашивал, между прочим.

– Он один был?

– Один.

Люба двинула пальцем игрушечную машинку-сюрприз.

– И чего он хотел?

– Известно чего. Спрашивал, почему ты на звонки не отвечаешь. Я ему объяснила, что ты у нас девушка занятая. Во всех смыслах.

– А он?

– А он не отстает, прикинь? Пришлось Максиму вмешаться. Тогда отстал. Ты же Макса знаешь, он скажет, какотрежет...

Люба с сомнением фыркнула.

– Макс твой... Тоже мне супермен. Данила с ним просто связываться не захотел. А так он и старше, и сильнее.

Саша удивлённо распахнула глаза.

– И что же, что старше? Да Макс с ним почти одного роста, – вступилась она за любимого. – А чего ты его вообще защищаешь?

– И вовсе я не защищаю, – Люба отвела взгляд.

Саша прищурилась:

– Данила, значит...

Люба промолчала.

– Если хочешь знать моё мнение, – начала Саша, не дождавшись ответа, – То Егору он в подмётки не годится. Правда, кот?

Саша приподняла Персика за передние лапы, повернув мордой к себе. Тот возмущённо мяукнул.

– Оставь наконец животное в покое!

Кот выскользнул из Сашиних рук и поспешил ретироваться из комнаты от греха подальше.

– Чего ты нервная такая? С Егором, что ли, поссорилась?

Люба цокнула языком:

– Дался тебе этот Егор! С Данилой впридачу. Надоели!

Она встала и прошла мимо замершей в недоумении сестры.

В ванной Люба почистила зубы, умылась и застыла перед зеркалом, приглядываясь к себе.

Вообще-то она не помнила, когда они с Сашей ссорились и ссорились ли вообще. Как это часто бывает у близнецов, они понимали друг друга с полуслова. Даже влюбиться умудрились в родных братьев. Ну, пусть в сводных, невелика разница! Егор с Максом всё равно очень похожи.

Люба приблизилась к зеркалу, придирчиво оценивая своё отражение. Сегодняшнюю размолвку, конечно, трудно было назвать ссорой, однако ещё немного, и Саше удалось бы взбесить её.

Люба поправила выбившуюся из чёлки прядь волос и нахмурилась. Определённо, в этот вечер она себе не нравилась.

Когда Люба вернулась в спальню, Саша уже мирно посапывала в своей постели. Из кухни доносился треск поглощаемого Персиком сухого корма. Кот заедал пережитые эмоции.

На столе горела ночная лампа.

Люба откинула край одеяла. Потом ещё раз оглянулась на сестру. Та по-прежнему спала. Люба достала из-под матраца тетрадку в розовой обложке, осторожно улеглась, подвинула лампу поближе, открыла тетрадь и вздохнула.

Из Любиной розовой тетради:

Она поклялась ему, что умрёт, если их любви придет конец. Л. не представляла себе жизни без него. Он дал ей такую же клятву. Они были двумя половинками, которые раскидало по разным концам земли. Но даже тысячи километров не могли стать препятствием для их чувства.

Но неожиданно в жизни Л. появился Д. Она сразу поняла, что это испытание для её любви (зачеркнуто) её чувства (опять зачеркнуто) для её любви.

Глава 3

Люба весело шагала, размахивая пакетом со свежими огурцами и йогуртом для Лёвки. Простодушно палило июньское солнце, и от вчерашней хандры не осталось и следа.

Девочка взлетела на невысокий парапет, пританцовывая, пробежала по нему, спрыгнула и вдруг ощутила, что приземлиться ей помогли. Почувствовав чьи-то руки на своем теле, Люба взвизгнула и прижала локти к бокам, держа пакет перед собой.

Обернувшись, она увидела довольного Данилу.

– Это не я, – поспешила сказать Люба, отчего-то зажмурившись. – Это моя сестра!

– Да ладно! Ты думаешь, я вас не различаю?

Люба открыла глаза и посмотрела прямо на своего собеседника.

– Такие глаза ни с чем не спутаешь, – его лицо было близко-близко.

Люба отпрянула и нахмурилась. Она стояла, потирая плечо свободной рукой, хотя в том не было никакой необходимости. Плечо было в полном порядке, как и всё остальное.

– Ты меня караулил? – спросила она.

Данила кивнул:

– Очень хотелось тебя увидеть, а на звонки ты не отвечаешь. У тебя правда парень есть или твоя сестрёнка просто отшить меня хотела?

– Есть. А тебе-то что?

Прозвучало это даже более резко, чем ей хотелось бы.

Данила невозмутимо пожал плечами.

– Да, в общем-то... Слушай, а давай посидим где-нибудь?

– Не могу. Мне домой надо, – Люба кивнула на свою ношу.

– Тогда давай провожу.

Он бережно взял её за локоть и заставил свернуть с тротуара, по пути ухитрившись забрать у неё пакет.

– Ты, кажется, тоже с девушкой встречаешься, – с напускным равнодушием произнесла Люба.

– Ты про Ксюху? Да нет, это всё несерьезно. Развлечение в свободное от учёбы время.

– А где ты учишься?

– В театральном.

– Ничего себе!

– Чего ты так удивляешься?

– Просто у нас мама актриса, – пояснила Люба.

– Правда? Вот здорово!

– Только она из театра ушла давно. Но мы с Сашкой ещё помним, как мотались с ней по репетициям, по гастролям разным.

– И далеко ездили?

– Не очень. В основном в районные ДК на ёлки.

– Слушай, я же почти всех наших актёров знаю. Давно она ушла? Как, ты говоришь, её фамилия?

– Можешь не напрягаться, её ты не знаешь. Мы тогда в другом городе жили.

От того, раннего, периода своей жизни у Любы сохранились весьма контрастные воспоминания.

Контраст был во всём: в том, насколько чёткими и осознанными были запомнившиеся картины, например. Что-то припоминалось смутно, что-то намертво врезалось в память: как она однажды испугалась одного актёра из их труппы, наряженного клоуном. Особенно страшным ей показался намалёванный рот, словно яркая дыра, съевшая пол-лица.

Как они с Сашкой постригли парик – Сашка этого, кстати, не помнила.

Как бессменная вахтерша тетя Клава, на попечение которой их чаще всего оставляли, угощала их домашним печеньем.

Мир театра сам по себе делился надвое. То, что происходило на сцене, казалось праздничным и было недоступным. Им строго-настрого запрещали преступать черту, положенную невидимым осветителем и отделявшую залитую светом сцену от полумрака закулисья.

Мир по ту сторону сцены сестрички знали хорошо. И был он для них не святая святых, а бесконечной суетой, кипением мелких страстей, мельканием ног и спин, беспрерывными ссорами родителей в гримёрной.

Отец у них тоже был актёром. Они с матерью учились на одном курсе, потом стали играть в одной труппе. Потом родились близняшки. Семья продолжала снимать комнату в общежитии театрального института.

Надежда Шелест почти сразу же вернулась на сцену, вместе с девочками, которых не на кого было оставить. Великой актрисы из неё не получилось, а семейные неурядицы не способствовали развитию её и без того не слишком блистательной карьеры.

Когда Люба и Саша подросли, мать привезла их сюда, чтобы они смогли нормально ходить в школу под присмотром бабушки. А вскоре приехала сама, окончательно завязав со сценой, а заодно и со своим первым браком.

В этом городе её отношения с театром ограничились тем, что она какое-то время занималась театральной студией в детском доме творчества. За это время Саша с Любашей попробовали всё, чем мог привлечь дом творчества, от фотокружка до балльных танцев.

Потом появился дядя Андрей, родился Лёвка, и теперь Надежда Шелест полностью погрузилась в домашнее хозяйство, чем, кажется, была вполне довольна.

– Ну, всё, дальше я сама. Вон мой дом.

Люба выхватила у Данилы свой пакет и кивнула в сторону своей пятиэтажки.

– Подожди ещё секунду, не исчезай! Ну пожалуйста!

Данила просительно смотрел на неё. Люба хмыкнула, но послушалась, присела рядом с ним на невысокую оградку, отделявшую тротуар от небольшого скверика. Здесь, между прочим, часто выгуливали Лёвку. Люба украд-

кой огляделась, не видно ли поблизости младшего брата в сопровождении сестры или матери. Никого не заметив, она расслабилась и приняла свою любимую позу, вытянув ноги и заложив их одну на другую.

Она была в тех же шортах, что и вчера. На левом её бедре, ближайшем к Даниле, красовалась татуировка в виде изящной веточки, разумеется, временная. Настоящую мама нипочем бы не разрешила.

– Может, всё-таки встретимся как-нибудь? – предложил Данила.

Люба промолчала.

Данила провел рукой по её ноге. Люба хлопнула его по руке и решительно встала.

– Это лишнее, – сказала она. – И вообще мне пора.

– Подожди! Извини, я же ничего такого... Я тату хотел рассмотреть.

– На ощупь? – поинтересовалась Любаша.

– Красиво, – запоздало оценил Данила, кивнув на татушку.

Люба ответила вежливой гримаской. Потом повернулась и пошла к дому, по-прежнему размахивая пакетом.

– Я тебе позвоню! – крикнул Данила.

– Не факт, что я отвечу, – бросила она, обернувшись.

Данила молитвенно сложил руки и сделал вид, что сейчас упадёт на колени. Потом улыбнулся и помахал рукой. Люба засмеялась и вприпрыжку побежала к дому.

Дома все были на месте.

– Ты чего так долго? – раздался из кухни недовольный голос Саши.

– Ничего не долго! – Люба скинула босоножки и надела домашние тапочки, не выпуская из рук пакета. – Что, кто-то помер от резкой огуречной недостаточности? Или Лёвку на йогурт пробило?

Она вошла в кухню и стала стремительно выкладывать содержимое из пакета.

– Да какой йогурт! Ты посмотри!

Люба оглянулась на обеденный стол. В центре красовалось огромное блюдо с крупной и спелой клубникой.

– Ого! – восхитилась она.

– Только что с грядки. Андрей привёз.

Между собой девчонки частенько называли маминого мужа просто по имени. Впрочем, мама если и слышала, то ничего не имела против.

– Андрей на дачу ездил, – подтвердила она, появляясь в дверях с Лёвкой на руках. – Там красота такая! Скоро все туда поедем.

– Ну-у-у! – недовольно протянула Саша.

Она от перспективы пребывания на даче восторга не испытывала.

– Что тебе не нравится? – обратилась к ней мать. – Солнышко, лес рядом, воздух свежий...

– Огород, комары, удобства на улице, – у Саши были свои характеристики дачного отдыха.

– Не ной! Смотри, какая клубника. Такое раз в год бывает. Правда? – обратилась она к Лёвке, сидевшему у неё на руках с самым серьёзным видом.

Саша протянула братишке самую крупную и красную ягоду. Тот, помедлив, взял её, рассмотрел и пихнул в рот целиком. За второй ягодой он с готовностью потянулся сам. Мать спустила его на пол.

– Мам, а может, мы с Любашей дома останемся?

– Ну да! А я там одна, и с Лёвкой, и с огородом!

– В топку огород! Вам свежий воздух нужен, вот и наслаждайтесь. А огурцы мы на рынке купим.

– Андрей за вами двумя не уследит. Он целыми днями пашет.

– Мы будем хорошим девочками! Мам, ну, у меня здесь дела, в конце концов!

– Знаю я ваши дела! Ничего с твоим Максом не случится. Поскучает чуток.

– Ага! Он будет скучать, а я ещё и помидоры окучивать!

– Пусть придет, поможет... Сашка, кончай пререкаться! Скажи спасибо, что я тебе за вчерашнее не всыпала. Вернулась чуть не за полночь!

– Ничего не за полночь! – Сашка машинально протянула разохотившемуся Лёвке очередную ягоду. – Любаш, ну ты уже скажи что-нибудь!

– Что? – рассеянно откликнулась Люба. – Да мне по барабану. На дачу, так на дачу.

– Вот и отлично! Не перекорми, – заметила мама, взглянув на Лёвку. – Зацветёт парень.

Саша укоризненно посмотрела на Любу. Та пожала плечами.

День тянулся как-то вяло. После обеда Люба посидела немного в интернете, получила два сообщения от Егора, на которые отвечать не стала, отложив это дело на потом.

Уже ближе к вечеру, когда Саша начала собираться на свидание с Максом, а мама с Лёвкой ушли гулять, у Любы зазвонил телефон.

– Да!

– Я боялся, что ты и правда не ответишь.

Голос у Данилы был взволнованный и немного запыхавшийся. Люба покосилась на сестру. Саша подняла голову, посмотрела на неё и вновь уткнулась в зеркало. Глаза она красила долго и тщательно.

– Подожди, я сейчас...

Люба вышла из комнаты и прикрыла за собой дверь.

– Хочу пригласить тебя кое-куда.

– Учти: всё, что показывают в ближайшем кинотеатре, я знаю в пересказе моей сестры.

– В кино мы тоже ходим, если хочешь. Но потом. Это другое, но, надеюсь, тебе понравится.

– Заинтриговал!

– Так договорились? Давай завтра?

– Ну, давай!

Люба сложила телефон и улыбнулась. Она вдруг поняла, что была бы разочарована, если бы Данила не позвонил. Подпрыгнув на месте, она зажмурилась, открыла глаза, улыбнулась своему отражению в зеркале и тут же

нахмурилась, погрозив ему кулаком. Потом глубоко вздохнула и вернулась в комнату.

– Егор звонил? – поинтересовалась Саша, не поднимая головы от зеркала.

– Д-да, – соврала Люба.

– Что говорит?

– Да так...

– Он в конце лета вроде приехать собирался.

Этого Люба не ожидала.

– Мне он ничего не говорил, – сказала она.

– Да, он и нас с Максом просил молчать. Сюрприз тебе хочет сделать.

Но, я думаю, тебе лучше об этом знать.

– А-а.

– Ты что, не рада?

– Рада, почему же.

Саша наконец дорисовала глаза, откинулась и полюбовалась тем, что получилось. Только потом она пристально посмотрела на сестру.

– Любаш, а пойдем с нами, – позвала она.

– Нет, что ты!

– А что такого? Зажжём втроем, а?

– Нет, я лучше дома останусь.

– Смотри...

Любе показалось, что последние слова Саша произнесла более многозначительно, чем они могли бы прозвучать. Но она промолчала.

Глава 4

Люба изо всех сил старалась не спешить, хотя ноги сами несли её к условленному месту. Она опаздывала больше чем на час. Не из вредности, просто много времени ушло на то, чтобы убедить Сашу не сопровождать её в городскую библиотеку.

Вообще-то внезапное решение возвратить книги, пылившиеся на полке с прошлого года, выглядело, конечно, странно. Люба уверенно врала, что ей тут накануне позвонили из библиотеки, настоятельно просили всё вернуть и угрожали штрафами.

Она даже прихорашиваться сильно не стала. В библиотеку же, типа, собралась, а не на свидание. К тому же сильно стараться для Данилы действительно не стоило. Ещё вообразит о себе что-нибудь. Свой любимый белоснежный топик она, правда, надела.

По пути пришлось в самом деле зайти в библиотеку. Не могла же она припереться на романтическую встречу с кипой книг, а потом вернуться с ними домой! Сашка и без того стала какая-то подозрительная.

В общем, Люба почти не надеялась, что Данила её дождетя. Он, конечно, звонил, и не раз, но Люба считала ниже своего достоинства пускаться в оправдания по телефону.

Сейчас она неторопливо вышагивала по аллее городского парка, пытаясь сохранить независимый и равнодушный вид. А вдруг он наблюдает за ней со стороны?

Но Данила стоял там, где они условились встретиться.

– Я уж думал, не придёшь, – сказал он.

«Я думала – не дождёшься» – чуть было не ответила Любаша, но вовремя прикусила язык. Вместо этого она заметила:

– Ради первого свидания можно было бы цветами запастись.

Данила усмехнулся и знакомым чародейским жестом выудил из-за спины розу на длинном стебле. Розовую.

Люба тряхнула головой:

– Повторяешься...

Данила развёл руками. Люба тут же спохватилась, что со своими выдуманными капризами она, пожалуй, перегибает.

– Вообще-то спасибо. Очень красиво.

Она улыбнулась и взяла цветок.

– А куда ты обещал меня пригласить? – спросила она, когда они вместе направились вдоль парковой аллеи.

– Мы туда уже идём. Вообще-то я думал, что мы погуляем немножко, под липами посидим...

Липы цвели. Исходящий от них аромат был таким густым, что казалось, ещё немного, ещё самую малость – и прямо с ветвей и с воздуха на землю потечёт сладкая медовая смола.

– Но так как кое-кто опоздал, – Данила выразительно покосился на неё, – то времени у нас уже нет. Пошли.

Он взял её за руку. Люба не сопротивлялась.

Они перешли на противоположную сторону улицы. Там располагался театральный институт, к которому они и направились. Миновав центральный вход, они прошли к одноэтажному зданию, приютившемуся в тени основного корпуса. Данила заглянул в окошко, постучал, и им открыла благообразного вида пожилая тётенька, судя по всему, вахтёр.

– Это я, тётъ Лиз.

– Вижу, – откликнулась тётя Лиза, внимательно оглядывая Любу.

– А это со мной.

Данила обнял девочку за плечи, и они прошли внутрь.

– Что это? Зачем ты меня сюда привёл?

Люба озиралась по сторонам. Они шли вдоль коридора. Справа тянулись застеклённые двери, за которыми простирались обширные залы. Некоторые из них, судя по зеркальным стенам и тянущемуся вдоль станку, предназначались для танцев.

– Сплошь репетиционные аудитории, – пояснил Данила. – Мы здесь работаем.

– Разве у вас нет каникул? Или вы экзамены еще не сдали?

– Да нет, сессия уже закончилась. Но есть вещи поважнее экзаменов.

– Какие же?

– Пойдем, сама увидишь...

Они вошли в самую отдаленную дверь. Зеркал здесь не было, зато имелось небольшое возвышение, такая мини-сцена. По краям тянулся ряд стульев, на них были водружены другие, кверху ножками. Стулья в беспорядке стояли и посреди аудитории. На них было сложена одежда.

Людей здесь, как в первый момент показалось Любе, было много, может быть, из-за того, что все они рассредоточились по зале. При их появлении все обернулись. На приветственный возглас Данилы откликнулись живо, немедленно и все сразу.

– Привет!

– Даня, зацени мои костюмы! А то у нас дискуссия. Вот, пока в эскизах, – к Даниле подошла тоненькая длинноволосая девушка.

– А ничего, что женские от мужских не отличить? – спросил Данила, бегло просмотрев кипу изрисованных листов.

– В том и прикол!

– Даня, кого ты нам привёл?

– Это? – Данила обеими руками взял Любу за плечи и подтолкнул вперёд. – Это моя Любовь!

– Круто! А меня Артём зовут, – представился ближайший из ребят.

– Хулио Иглесиас, – представился красивый парень с тёмными глазами и диковатой внешностью – но не испанца, а, скорее, кавказца. Впрочем, через пять минут выяснилось, что изящные усики и сросшиеся густые брови были накладными.

– Гарик в своем амплуа, – заметил Данила.

Гарик-Иглесиас засмеялся.

– Игорь, – сказал он уже без пафоса, и добавил, – Смирнов.

Некоторые в свою очередь назвали свои имена. Все они были ровесниками Данилы, или около того.

Люба почти никого не запомнила. Она вопросительно оглянулась на Данилу. Он ободряюще подмигнул.

Люба покрутила в руках свою розу, размышляя, куда бы её пристроить. Артём с готовностью протянул ей невесть откуда взявшуюся вазу с узким горлышком.

Наверное, Люба смутилась бы от подобного приёма и от того, как Данила её представил. Но её отвлекла сама атмосфера, царившая в зале, атмосфера, вроде бы забытая с той поры, как они приехали в этот город, это ощущение весёлой суеты, непрекращающегося карнавала...

Данила сразу же деловито вклинился в разговор. Люба прислушивалась краем уха.

– Нет, этот момент, по-моему, никуда не годится, – говорил он Артёму.

– Ты сам себя повторяешь.

– Да понял я, понял. Меня тут уже критикнули все, кто мог.

– А со сценарием что?

– Мигель работает. Не без Геши, конечно.

– Это хорошо.

Тут дверь открылась, и Люба увидела своего недавнего знакомого Родиона. Он тоже очень удивился, заметив её.

– Хо-хо! Вот так встреча! Ты как здесь оказалась?

Люба пожала плечами.

Судя по всему, Родиона здесь хорошо знали. К нему сразу же подошла та девушка, что просила Данилу оценить её эскизы. Кажется, её звали Машей. Что-то Родион должен был ей принести, но забыл. Маша укоризненно покачала головой и надавала ему кучу новых поручений.

Потом прибежала другая девушка, по имени Лика, попросила его примерить какие-то шляпы, долго их сравнивала, потом чмокнула Родиона в щёку, мимоходом улыбнулась Любаше и умчалась.

Родион снова обратился к Любе.

– Слушай, ты извини, я глупо пошутил тогда. Не обижайся, ладно?

– Да я и думать забыла! – заверила его Люба.

– Здорово, что мы тут встретились! А можно, я тебя домой провожу? Я ведь знаю, где ты живешь.

– Боюсь, что нет.

Люба смеющимися глазами посмотрела на Данилу, приближавшегося к ним. Родион оглянулся и понял.

– Ты с Даней? – изумлённо спросил он.

– Ну. А что такого?

– Да нет. Ничего.

Он заметно поскучнел.

Данила подошел к ним. Они с Родионом поздоровались за руки, и Родион удалился.

– Мы постановку готовим, для студенческого театра, – сказал Данила, решив пояснить наконец для Любы всё происходящее.

Он рассказал, что в сентябре в Таганроге проводят фестиваль студенческих театров «Цветная волна», на который они очень хотят попасть. И вся эта суэта, которую Люба видит перед собой, – не что иное, как рабочее возбуждение, творческая горячка. А ведь это только ещё подготовка к подготовке, – улыбнулся Данила.

Надо признать, что Любу с непривычки постепенно начало утомлять окружавшее их бурление.

– А что будет потом? – спросила она.

– Настоящие репетиции. Времени на самом деле мало. К тому же...

По словам Данилы, острота ситуации заключалась в том, что на поездку к морю претендовала не только их команда.

Их студенческий театр существовал довольно давно, чуть ли не с самого основания института. Театр носил название «Аполлон», и руководили им старейшие преподаватели, мастера своего дела и приверженцы классической театральной школы.

Но несколько лет назад в их город приехал молодой режиссер Георгий Грибов. Точнее было бы сказать, не приехал, а вернулся, потому что Грибов

закончил этот же театральный вуз, где числился одним из самых талантливых и перспективных студентов.

После учебы он отправился в столицу, повышать профессиональный уровень и на практике знакомиться с современными веяниями в театре. Преуспел и в том, и в другом. По возвращении в родной город в местный драмтеатр его не пустили, а вот в институте приняли с радостью, как оказалось, преждевременной, потому что, заполучив в своё распоряжение студенческий театр, Грибов поставил всё с ног на голову, обнаружив явную тягу к авангардной эстетике.

На этой почве он вдрызг разругался с бывшими наставниками, зато сколотил вокруг себя группу единомышленников. Просто указать ему на дверь у театрального руководства не находилось возможности, так как он успел совратить с пути истинного не только половину студентов, но и некоторых преподавателей, из тех, кто помоложе и полегче на подъем.

В конце концов внутри «Аполлона» созрел «Апельсин» – самостоятельный коллектив, творческая энергия которого устремлялась совсем по другому руслу.

– Почти весь «Апельсин» ты сегодня видела, – сказал Данила. – Кроме самого Геши. Но его ты еще узнаешь, надеюсь.

Последнюю часть истории он рассказывал Любе, когда они уже, распрощавшись с остальными, вдвоём шли по парку.

– Надо же, как у вас интересно! – искренне восхитилась Люба. – Вот это я понимаю заниматься любимым делом!

Данила покосился на неё.

– Ты так говоришь, будто тебя заставляют заниматься нелюбимым. По моему, – он отстранился и оглядел её с головы до ног, – ты довольно раскрепощённый человек. Делаешь, что хочешь. Разве не так?

– Пока да. А потом, – она вздохнула, – придется воевать.

– В смысле?

– В смысле, мама хочет, чтобы мы с сестрой получили серьёзную профессию. Поэтому они с отчимом решили, что юридический для нас – самое то.

– А вы?

– Смееёшься? Какие из нас, нафиг, юристы? Только нам еще в школе париться целых два года. Да мы толком и не знаем, чего хотим.

Данила прищурился.

– А может, к нам, в театральный?

– Не знаю, – нерешительно произнесла Люба. – Я об этом как-то не думала.

– Так подумай! Данных у тебя более чем достаточно.

– Ага! – Люба не сомневалась, какие данные прежде всего впечатляют Данилу. – Только чтобы поступить, надо ещё и уметь кое-что.

– Да ладно! У тебя и с остальным всё в порядке. Я же видел, как ты танцуешь. Такой пластике многие выпускники позавидуют! И энергетика у тебя потрясающая.

Люба покраснела. Она была польщена. Пластика, говорите? Занятия бальными танцами, спортивной гимнастикой, фигурным катанием – ну должно же было после этого что-то остаться!

Она не заметила, что они с Данилой уже не бредут по широкой дороге между липами, а давно свернули на уютную затенённую аллею, и Данила уже не держит её за руку, а взволнованно прижимает к себе, обхватив за плечи.

Липы всё благоухали, уже по-вечернему, медовые потоки медленно стекали вниз, настойчиво томили, и хотелось просто плыть по течению, не думая о том, куда вынесет.

– Стоп! – она затормозила.

– Что такое?

– Ты меня домой провожаешь или как? Поздно уже.

Данила вздохнул:

– Домой так домой.

Некоторое время они шли молча. Потом Люба спросила про Родиона: частью желая вернуть Данилу к разговору и проверить, не обиделся ли он, частью потому что ей действительно было интересно.

– Родька? – переспросил Данила. – Да он так просто, рядом ошивается. У нас сценарист есть, Мишка Лавров, Мигель. Так вот Родька – его брат. Он в нашем театре давно прописался. В проекте он не участвует, но как группа поддержки незаменим.

У Любы снова возникло чувство, что Родион ей уже когда-то встречался.

У подъезда они остановились.

– Давай постоим чуть-чуть, – предложил Данила.

– Нет.

– Почему?

– Нет, и всё! – сердито повторила Люба.

Данила усмехнулся и задумчиво покачал головой.

– Ну, как скажешь.

Возникла пауза. Оба ждали, кто решится первым нарушить молчание или уйти.

– Ты меня хоть поцелуешь? – тихо спросил Данила.

Люба приподнялась на цыпочки и коснулась губами его губ. Тогда он приподнял её и поцеловал уже по-настоящему. У Любы дух захватило, то ли от поцелуя, то ли от того, что в груди не осталось воздуха – так он её стиснул.

Если бы не шум в ушах... Да нет, Люба всё равно не расслышала бы Сашиных шагов.

Когда туман в глазах рассеялся, она увидела перед собой сестру. Вероятно, взгляд Любы изменился, потому что Данила тоже оглянулся. Саша исподлобья смотрела на обоих.

– Ну, пока, – сказал Данила.

Саша проводила его глазами.

Потом обернулась к сестре.
Обе, не говоря ни слова, вошли в подъезд.

Глава 5

Как только они вошли в комнату, Сашка яростно зашипела:

- Тот самый красавчик с выпускного? А Егор как же?
- Никак, – буркнула Люба, устало бухаясь в кресло.
- Ты что, с ума сошла? Ты Егора отшила, да?
- Нет ещё.

Люба стала вынимать из ушей серьги, одну за другой, и вскоре на столе образовалась внушительная кучка гвоздей, звёздочек и тому подобной мелочи.

- Люб, ты что творишь? Зачем он тебе нужен?

Люба поморщилась. Вероятно, Данила как-то неловко прижал её, потревожив многожды проколотое правое ухо, так что теперь оно побаливало.

– Не, это нормально, а? Пока Егор там ей письма сочиняет, она тут... по библиотекам шляется! – бушевала Сашка.

– Пусть он себе тоже кого-нибудь найдет. Я не возражаю, – отозвалась Люба, трогая помятое ухо.

– Да ты совсем с катушек съехала! Ты кого себе нашла? Он же просто клоун! Вот Егор...

Люба шарахнула ладонью по столу так, что все её гвоздики и звёздочки разлетелись в разные стороны.

– Ты задолбала со своим Егором! Чем уж он так прекрасен? Только тем, что брат твоего Макса? Только и слышу: Егор, Егор. Никого вокруг кроме Егора!

– Да? А кто мне ночами спать не давал, когда вы только познакомились? «Это знак, это судьба!» – передразнила она. – Ты же первая на него кинулась, еще когда у нас с Максом ничего не было! А когда он уехал? Кто тут рыдал, вот на этом самом месте, в эту самую подушку? Я думала – утопнем!

- И что теперь? Мне все время в подушку плакать?

– Так, я не поняла: пожар в Антарктиде? Или кролики на грани вымирания? По какому поводу страсти в такое время суток? – на пороге спальни стояла мама.

Девчонки замолчали, враждебно косясь друг на друга.

- Я бы вам не советовала ссориться. Завтра генеральная уборка.

- Это в честь какого праздника?

– Через два дня едем на дачу. А перед этим нужно привести всё в порядок и собрать вещи. Этим и займётесь.

- А ты?

- А я дачу подготовлю.

- Как же мы одни справимся?

– В четыре руки – дружно, весело и быстро, – мама подозрительно посмотрела на обеих. – Заодно решите проблему с кроликами. Совместный труд сближает.

После её ухода спорить расхотелось. Сашка молча разделась, облачилась в домашнее платье.

– Имей в виду. Если ты замутишь с этим артистом, я тебе не союзник!

Она вскинула голову и с преувеличенным достоинством отправилась умываться.

– Я свободный человек или кто? – вслед ей запоздало возмутилась Люба.

Утром мама, как и обещала, отправилась на дачу. Лёвку она завезла к бабушке, поручив сёстрам забрать его оттуда, когда они закончат с уборкой.

После вчерашней размолвки обе не были настроены общаться. За завтраком, оставшись вдвоём, они обменялись едва ли парой слов.

Приниматься за мытье полов и чистку окон не хотелось, поэтому девочки не спеша пили чай, прислушиваясь к сменяющим друг друга песням и бормотанию ведущих на одной из любимых радиостанций. Наконец Люба решительно отодвинула чашку.

– Хорош отдыхать! Пора за дело.

И тут у Сашки зазвонил телефон.

– Да, Макс! – радостно отозвалась она.

Люба удалилась на балкон, чтобы достать швабры, ведра, тряпки и тому подобное вооружение. Когда она вернулась, Сашка подскочила к ней. От её хмурого вида не осталось и следа.

– Любаш, а давай поделимся. Бери себе нашу комнату и Лёвкину спальню, а я приду – уберу остальное. Меня Макс зовет, я на пару часов убегу, а?

– Ну, давай.

– Спасибо тебе! Ты настоящий друг!

Сашка быстро собралась и убежала.

Когда Люба осталась одна, она даже испытала облегчение. Исчезла необходимость о чём-то с сестрой разговаривать, а значит, и риск коснуться больной темы. То есть Данилы.

Будто в ответ на её мысли подал голос её собственный телефон.

– Здравствуй, любовь моя! – поздоровался Данила.

– Привет, – растерянно откликнулась Люба.

Она не знала, как вести себя с ним после вчерашнего.

– У меня гениальная идея. Давай покатаемся на лодке?

Люба молчала, с сомнением глядя на ведро с водой, в котором уже успела утопить швабру с тряпкой. К ведру неоднократно подбирался Персик, который обожал лакать из любой посуды, не предназначенной для питья.

– Эй! – окликнул её Данила. – Ты чего молчишь? Посмотри в окно и представь, как здорово сейчас на речке.

Люба послушно повернула голову к окну. Солнцу нипочем были прозрачные занавеси. Оно лупило по стенам ничуть не прицельно, но сплошным золотым потоком.

– Так как насчет прогулки? – не отставал Данила.

– Сейчас буду!

Она быстренько переоделась: полосатая маечка и короткая белая юбка – и убежала, взглянув напоследок на Персика, который добрался-таки до воды и теперь самозабвенно пил, опираясь обеими лапами на край ведра.

Лодочная станция выглядела оживлённой и праздничной. Это солнце старалось: сверкало в волнах, отражалось во всём, в чём только можно, от пряжек на девичьих туфлях до стёкол солнцезащитных очков.

Данила уже стоял на пристани с какой-то девицей и не сразу заметил Любу.

Она помедлила, наблюдая за парочкой. Те оживлённо беседовали. При этом Данила смотрел на собеседницу так, будто... Словом, почти как на Любу.

Она придирчиво оглядела девушку. Стройная, в узких белых брючках и лёгкой безрукавке, с пышной гривой тёмных волос. Время от времени она вскидывала голову, поправляя причёску, и это её движение Любе не понравилось. Задавака, подумала она неприязненно.

Данила наконец заметил её и помахал рукой. Любе ничего не оставалось делать, как подойти.

– Ната, познакомься, это моя... Люба.

Он запнулся и в этот раз предпочел сокращённый вариант её имени.

Люба молчала, заложив руки за спину, и хмуро смотрела на девушку по имени Ната.

Та сдвинула тёмные очки на кончик носа и в свою очередь внимательно взглянула на неё.

– Твоя подружка? Колоритная девочка, – оценила она.

Данила улыбнулся и обхватил Любу за плечи. Вышло это у него как-то слишком по-хозяйски. Люба недовольно отстранилась.

– А это Ната, – запоздало представил он свою собеседницу.

Ната сухо кивнула и в очередной раз откинула волосы за спину. Задавака, ох, задавака, – мысленно повторила Люба.

Наконец Ната попрощалась, напоследок послав Даниле (только ему!) пронзительный взгляд из-под полуприкрытых век. Тот еще некоторое время смотрел ей вслед, глупо улыбаясь.

Люба повернулась к нему.

– Кто это? – спросила она.

– Натка. Мы на одном курсе учимся. Только она с художественного. Отделения, – пояснил он, встретив внимательный Любин взгляд.

– А здесь она, конечно, оказалась случайно.

– Ну да. Она же художница. Натуру ищет.

– И что, нашла? Или я помешала? – ехидно осведомилась Люба.

Данила прищурился:

– А ты ревнуешь что ли?
– Вот ещё! – Люба отвернулась.
– Ничего не понимаю! Ты ведь эмо, так? Вы же вроде своих чувств не скрываете. А ты, по-моему, только этим и занимаешься. Почему?

Люба молчала.

– Или вы только друг с другом откровенны? – продолжал Данила, пытаясь заглянуть ей в лицо.

Она упорно отворачивалась.

– Если так, то я в пролёте, – печально сказал он. – Ведь я хочу, чтобы ты мне доверяла. Но для эмо-боя я все-таки, м-м-м... великоват.

Люба вспыхнула:

– Ты хочешь сказать, что вместе с паспортом тебе выдают каменное лицо и ты становишься истуканом? При чём здесь возраст? – она оглядела Данилу. – Или рост? – добавила она.

– Прости. Я только хотел сказать, что мне вряд ли будет к лицу клетчатый шарфик, – жалобно произнес Данила. – Ну что мне сделать, чтобы ты улыбнулась? Хочешь, в воду прыгну?

– Хочу! – с вызовом ответила Люба.

Не меняя ни позы, ни выражения лица, Данила рухнул в реку, прямо с парашюта. Подняв тучу брызг, он скрылся под водой. Люба ахнула.

От его падения в обе стороны по лодочному ряду пошла волна, и старые посудины одна за другой закачали бортами, словно бы с укоризной.

Однако у берега было неглубоко. Данила тут же вынырнул, фыркая и отплёвываясь. Он опёрся локтем о борт ближайшей лодки и кивнул Любаше:

– Прыгай! Это наш корабль!

Отплыв от берега, Данила разделся, оставшись в одних плавках. Сквозь тёмные стекла очков Данила казался Любаше более загорелым, чем был на самом деле. Она наблюдала, как напрягаются его мышцы, когда он отжимал одежду и раскладывал её сушиться на солнышке.

– Замёрзнешь, – заметила она.

– Ничего. На вёслах согреюсь.

Он и в самом деле налёг на вёсла, ритмично двигаясь взад и вперёд. Люба отвернулась, делая вид, что любит пейзажем. Берег остался далеко позади...

... а лодка плыла так быстро, что у Л. закружилась голова. Или это оттого, что Д. был так близко? От одного его взгляда перед ней всё опрокидывалось, а он не сводил с неё глаз. Они были такие глубокие, бездонные. Л. испугалась, что утонет в них. Она хотела этого и боялась. И не знала, чего больше: хотела или боялась. Вокруг не было ни души. Л. поняла, что они приплыли на необитаемый остров...

Данила бросил вёсла, и лодку прибило к берегу течением. Остров, куда они приплыли, можно было считать необитаемым. Местные жители называли его Эльдорадо: маленький такой кусочек суши, с пляжем и цветущими деревьями. Короче, рай под открытым небом. К островку уже пристали три или

четыре лодки. Но людей видно не было: все скрывались под райскими кущами.

Данила втащил лодку на песок и подал Любе руку:

– Прошу!

Она скинула тапочки и вознамерилась спрыгнуть на песок. Данила не дал ей этого сделать. Он подхватил её на руки и закурил.

Люба взвизгнула и крепче обхватила его за шею. На несколько секунд точкой отсчёта для неё стало счастливо улыбавшееся лицо Данилы. Всё остальное превратилось в солнечную и суматошную карусель.

Потом они загорали. Данила рисовал на песке зверей и птиц, портреты и пейзажи. Люба видела такое по телевизору, там это делалось песком на стекле, и гораздо быстрее. Но у Данилы тоже неплохо получалось. Люба с интересом наблюдала, как лев на её глазах превращается в рыбу, а дерево – в человека с усами.

– Сколько же у тебя секретов! – сказала она. – Секретов и секретиков.

– От тебя – ни одного! – поклялся Данила. – Дай время – все покажу.

Люба усмехнулась.

– Попробуй сама! Это просто, – предложил Данила.

Люба пожала плечами и неуверенно провела какой-то зигзаг. Вот с рисованием у неё были проблемы. Ни она, ни Саша не испытывали склонности к спокойным занятиям. Они были упорны и неутомимы – но там, где их стихией было движение: в танце, спорте, играх... Там же, где требовалось смирить свой темперамент в пользу усидчивости, они проигрывали.

Поэтому обе они бросили музыкальную школу на втором году обучения. И без того долго продержались, считала Люба.

Поэтому же немногими кружками в доме творчества, которые остались обделёнными их вниманием, оказались кружок кройки и шитья, да еще вязания и плетения.

– Ну? – подначил Данила.

Люба подрисовала какие-то ноги, глаза, щупальца. Данила склонил голову набок.

– Хороший... осьминог, да?

Люба засмеялась и взрыхлила песок ладонью.

– Пойдем лучше купаться, – позвала она.

Они плавали и целовались, прямо в воде.

Нырjali и тоже целовались.

Солнце пронизывало речку до самого дна. На дне были песок и кое-где ракушки. Любе они нравились. А водорослей она боялась. Они так противно цеплялись за ноги! К тому же постоянно казалось, что оттуда кто-нибудь выскочит.

После купания обнаружилось, что Люба потеряла брелок от ключей, яркую такую игрушечную пчёлку. Сами ключи были на месте, но Любу это мало утешило. Пчёлка была подарком Егора, и Люба привыкла считать её своим талисманом. Ей показалось, что потеря пчёлки – дурной знак. Она чуть не плакала.

Неприятности не заставили себя ждать. Когда они плыли назад, Любашин сотовый ожил. Но лучше бы не оживал.

– Ты почему не отвечаешь? Я тебе полдня звоню!

Люба с досадой отстранила телефон. Сашка орала так, что прислонять его к уху не было надобности. Когда сестра сбавила обороты, Люба вернула его в исходное положение.

– ... Лёвку, – закончила Саша.

– Что? – переспросила Люба, не слышавшая последней тирады целиком.

Саша объяснила, что у Макса новый скутер, ему отец прислал, они первый раз на нем выехали, и вот сломались.

– Я говорю: мы с Максом за городом зависли, я не знаю, когда вернусь. Уберись за меня, будь зайкой. И Лёвку забрать не забудь.

– С ума сошла?! – ужаснулась Люба. – Когда я, по-твоему, успею? Мать вернётся, убьёт обеих!

– Любаша! Ну, я за тебя на даче все-все помидоры полью!

– Да при чём тут помидоры! Я вообще не дома сейчас!

– А где?

– Неважно...

Пауза была такой длинной, что Люба засомневалась, всё ли еще Саша на связи.

– Алё! – окликнула она сестру.

– Ты... с ним? – спросила та, приглушив голос.

– Да.

– Ну и дура!

Короткие гудки завершили их разговор. Люба с досадой плюнула.

– Проблемы? – поинтересовался Данила.

– Да нет! – Люба тряхнула головой.

В конце концов, она сама решает, где, когда и с кем проводит своё свободное время. Диктовать себе условия Люба позволять не собиралась. Даже близкому человеку Сашке, которая, если уж на то пошло, была младше её на целых десять минут.

Поэтому она согласилась на предложение Данилы прогуляться вдоль речки ещё и пешком.

Её ещё не отпустило мерное покачивание лодки, и оттого казалось, что набережная медленно вздымается под ногами.

Потом они спустились к пляжу и побрели по песку босиком. Они шли вместе, меряя свой путь шагами и минутами, а набегавшая волна vorовато слизывала и то, и другое, заглаживая следы.

Люба опомнилась, когда солнце спустилось к верхушкам деревьев на том берегу. День перестал казаться бесконечным.

Глава 6

За дверь шумели, грохотали, ревели (Лёвка!) и двигали мебель. Люба тихонько вошла, думая, что бы соврать. Что-то ей подсказывало, что любые оправдания бесполезны. Не помогут, убедилась она, увидев мать, вышедшую ей навстречу, в косынке и со шваброй в руках.

– Явилась? – накинулась она на Любашу. – Нагулялась? Мало того, что мне за вас тряпкой махать пришлось, так я еще и в розыск должна подавать! Где вторая кобыла?!

Мама в выражениях не стеснялась, а значит, была вне себя от ярости.

Люба ответить не успела. В дверь опасно протиснулась Саша и застыла на пороге.

– Здравствуйте! – мать, подбоченясь, оглядывала дочерей. – А это ничего, что я сегодня всю дачу вылизала, устала, как собака, а тут – нате вам! Дома и конь не валялся! Ничего, что мне за ребенком пришлось лишний круг писать? И Андрей с работы пришел голодный, а в холодильнике, кроме кошачьего корма, только горчица с хлебом?

Отчим на кухне громыхал посудой. Видимо, сам готовил ужин. В происходящее он, по обыкновению, не вмешивался.

– У вас совесть есть? Вот где вы шлялись весь день? Где ты была, я спрашиваю?

Саша стояла чуть сзади, так что гнев матери обрушивался в основном на Любу. Это Любу возмутило.

– А чего ты на меня орёшь? – взорвалась она. – Я что, крайняя, да? Только потому что я старшая? Между прочим, не я первая на уборку забила! – прокричала она, повернувшись к Саше.

Та округлила глаза.

– Ах вот как! Типа ты на месте осталась! Как часовой, да? Небось сама обрадовалась, когда я сдержнула, побежать чтобы к своему... Бреду Питту!

– Что?!

– И ни на что я не забивала! Я не нарочно опоздала! А вот ты специально так сделала, мне назло!

– Так, тихо, обе! – вмешалась мать. – Тоже мне старшая, – покосилась она на Любашу. – Я за вас всё сделала, но уж на даче вы своё отработаете! Завтра же едем, а сейчас идите мыть руки и ужинать. Вперёд!

Люба ужинать не пошла. Она сидела в комнате, осмысливая события сегодняшнего дня, сама в шоке от произошедшего. Что случилось? Они ведь с Сашкой никогда не ругались! А уж о том, кто из них старше или младше, вспоминали разве что в шутку. Дичь какая-то.

В окно что-то стукнуло. Люба не обратила внимания, но стук повторился. Тогда она откинула шторы и выглянула.

Внизу стоял Родька и бросал камушки. Увидев Любу, она махнул ей рукой: выходи! Она открыла окно:

– Тебе чего?

– Ничего. Шёл мимо, вижу – у тебя свет, значит, не спишь. Решил зайти. Спускайся!

Люба оглянулась на дверь

– Нет, – недовольно сказала она. – Хотя...

Она перелезла через подоконник и спрыгнула на землю. Родька бережно поддержал её. Они отправились на чудо-лавочку, которую, как ни странно, в этот вечер никто не занял.

– Орешки хочешь? – предложил Родька, доставая из кармана пакетик с фисташками.

– Хочу.

Люба в задумчивости грызла солёные орешки, складывая шелуху горкой на коленях. Родька молча смотрел на неё.

– Ты чего такая? – наконец спросил он. – Случилось что-нибудь?

– А? Да нет, в общем, – откликнулась Люба. – Так, ерунда. С сестрой поругалась. А ещё уезжаю завтра, а мне не хочется.

– Уезжаешь? – огорчился Родька. – А я думал, ты теперь с нами тусоваться будешь.

– Это ты про «Апельсин», что ли? «С нами»! – передразнила Люба. – Ты-то там сбоку припёка!

Родион обиженно засопел.

– Ладно, не обижайся, – Люба пихнула его плечом. – Просто настроение мне сейчас подпортили. Вот я и говорю всякие гадости. Так у тебя брат тоже в театральном учится? Вместе с Данилой?

– Ну нет, не вместе, – Родька поддался на перемену темы. – Даня актер, а Мишка режиссёрский заканчивает. А я после театральной студии...

– Вспомнила! – Люба перебила его на полуслове. – Я вспомнила, где тебя раньше видела!

Родька даже вздрогнул от неожиданности.

А Люба и в самом деле поняла наконец, почему Родион показался ей таким знакомым. Его лицо она встречала на групповых фотографиях у матери. Всё правильно: театральная студия!

Когда она сказала об этом Родьке, он удивился и обрадовался.

– Надо же! Теперь и я вроде тебя припоминаю... А после твоей матери к нам как раз Грибов пришел.

– Он что – и здесь отметился?

– Он где только не отметился. Знаешь, до него как-то всё просто по приколу было, а тут я понял, что театр – дело серьёзное.

– И как же он тебе это объяснил?

– Сам не знаю. Геша – он вообще такой. Умеет увлечь. Вокруг него всегда люди всякие интересные. Артисты, художники...

– Художники? – оживилась Люба, вспомнив заносчивую девицу у лодочной станции. – Я сегодня с Данилой видела одну художницу. Такая, знаешь, – Люба скопировала жест Наты, которым та откидывала волосы за спину. – С гривой. Наталья, кажется. Знаешь её?

Родька засмеялся.

– Натка? Знаю, конечно. Только она не Наталья, а Рената. И не художница, а актриса.

Люба так и подскочила.

– Ты уверен?
– В чём?
– Что она не художница?
– Конечно! Она ведь с Даней... – он помялся.
– Что? – насторожилась Любаша.
– Ничего. Они на одном курсе учатся. Да актриса она, актриса! Очень перспективная, между прочим. Жаль только, «Аполлонов» выбрала. Она девушка основательная... Ты в курсе насчет конкуренции «Апельсина» с «Аполлоном»? – спохватился он.

Люба кивнула.

Родька снова расхохотался.

– А у тебя похоже получилось Натку изобразить. И вообще ты... – он не договорил. – А у тебя с Даней всё серьезно?

– Не знаю, – мрачно ответила Люба.

Родька вздохнул.

В это время Люба услышала знакомую мелодию. Ну конечно! Окно она оставила открытым, и мобильник разрывался в комнате.

– Ой, это меня! – спохватилась Люба.

Она вскочила. Фисташковые скорлупки, про которые она забыла, с шорохом посыпались с колен.

– Молодец, что зашёл. Увидимся!

На прощание она торопливо чмокнула Родьку в щёку – получилось почему-то точь-в-точь как у старших девочек из «Апельсина».

В окно она влезла без Родькиной помощи. Но к телефону подбежать не успела. На экране еще несколько секунд молчаливо высвечивалось улыбавшееся лицо Егора. Потом всё погасло.

Люба задумчиво повертела телефон в руках. Перезванивать она не стала.

Глава 7

На дачу прямо с утра, как собирались, они не поехали. У мамы оказались какие-то дела.

Как быть с Данилой, Люба еще не решила. Позвонить ему самой и потребовать объяснений? Глупо! Она отказывалась от этого намерения, как только бралась за телефон. Не отвечать? Еще глупей. Он решит, что она его попросту динамит. Кроме того, достанет звонками, да ещё, чего доброго, припрётся домой. Сказать, что всё между ними кончено, когда позвонит? Пожалуй, так будет лучше всего.

Однако Данила, как назло, молчал. Люба вся извелась, гипнотизируя телефон. Наконец долгожданный звонок раздался.

– Забудь мой номер, понял? – выпалила Люба, не дожидаясь приветствия. – Не желаю тебя больше слышать!

– В чём дело, малыш? – опешил Данила.

– Сам знаешь! А если не догадываешься, спроси у своей художницы!
Которая актриса!

– Вон ты о чём! Да я...

Но Люба так яростно вдавила кнопку отбоя, что сломала ноготь.

Она растерянно посмотрела на испорченный маникюр, на замолчавший телефон – и расплакалась.

Хорошо, что Саша в это время выгуливала в парке братишку. Можно было дать волю слезам.

Когда они вернулись, Люба, всё еще всхлипывая и размазывая слезы по щекам, уселась за компьютер, спиной ко всем.

Она тут же сочинила длинное письмо Егору, в котором, не жалея слов, писала о том, о том, как она скучает и как ей не хватает её любимого и единственного!

Но, помедлив, она не стала отправлять сообщение, удалила всё написанное и без лишних объяснений известила Егора о том, что она уезжает на дачу, и нечего её доставать. Последнее, конечно, говорилось не прямым текстом, но подразумевалось достаточно явно.

К вечеру дядя Андрей на своей старенькой машине подвёз их к небольшому одноэтажному домику с садом и огородом. Люба с Сашей принялись распаковывать вещи.

На покупке дачи несколько лет назад настояла мама. С тех пор они каждый год по две-три недели жили здесь безвылазно, обычно как раз в сезон клубники.

Остальное время мама с дядей Андреем наезжали сюда эпизодически, сорвать какой-нибудь уцелевший помидор и посмотреть, всё ли в порядке с домом.

Сёстры весь день не разговаривали. Но здесь им предстояло ютиться в крошечной комнатухе и спать на одной кровати. В таких условиях дуться друг на друга было не только бессмысленно, но и попросту неудобно.

Поэтому началось всё с реплик типа «подай – принеси», а потом всё вроде бы вернулось на круги своя. Разве что без прежней душевности. Засыпая, они пожелали друг другу спокойной ночи.

– Ложись на новом месте, приснишь жених невесте, – сонным голосом пробормотала Сашка.

Вскоре послышалось её ровное посапывание. А Любе не спалось. Она встала и вышла на крыльцо.

– Не спишь? – услышала она.

К ней присоединилась мама. Уложив братишку спать, она и дома, бывало, редко успокаивалась вместе с ним. Чаще коротала вечер перед телевизором или в более-менее умиротворяющих домашних хлопотах типа вязания или глажения белья. Вот и сейчас она вышла, заложив пальцем книгу. Видимо, читала на сон грядущий.

– Не замёрзла? – обратилась она к Любе.

Та покачала головой. Мама встала рядом, облокотившись о перила.

– Хорошо как, – сказала она и глубоко втянула носом воздух. – Цветами пахнет.

Цветы действительно благоухали, какие-то кудрявые, белые, похожие на пионы. Люба не знала, как они называются. Они росли у соседей, но аромата хватало на всех.

В их же собственном палисаднике разноцветными лоскутами пестрели анютины глазки. Люба всегда считала, что они совсем не пахнут. Но сейчас, казалось, даже от голой земли исходило благоухание.

– Так у тебя новый мальчик?

Мама спросила так, будто они возвращались к прерванному разговору. Она всегда заговаривала так об особо значимых вещах. Люба сразу же напряглась.

– Ну да, – неохотно подтвердила она.

– А почему Бред Питт? Он что, похож? – мама ссылалась на Сашкину реплику. – И что за мальчик вообще?

Люба рассказала.

– О Господи! Этого ещё не хватало! – воскликнула мама, услышав, что Данила будущий актёр. – Послушай меня, Любаша, держись подальше от этой породы!

– Но почему?

– Да потому! Это поначалу они все герои-любовники. Цветы дарят, на руках носят, на колени падают... А потом от этого героя-любовника – только галстук бабочкой да пальцы веером. Да ты хоть папашку своего вспомни!

– Данила не такой!

– Ага, не такой! Лет через десять посмотришь на своего Данилу. Тьфу-тьфу-тьфу! – сплюнула она, оговорившись. – Такое же небось чудовище, будет сидеть на общей кухне, пьяный, нищий, небритый, да ещё тебя же попрекать, что, мол, талант его на корню загубила. Тебе оно надо?

– А может, наоборот! Может, в Голливуд поедет и «Оскара» получит!

Мама покачала головой:

– Ох, Любка, дурочка ты ещё...

– И вообще, не надо на меня давить! Я, может, тоже пойду учиться на актрису!

Мама удивлённо приподняла брови.

– А что? – горячилась Люба. – Прямо вот сейчас и пойду! Приеду и начну готовиться к экзаменам. И поступлю! Нечего в школе терять время!

– Любка, не вздумай!

– Почему?

– По кочану! На меня посмотри – чего хорошего? Нужно быть о-очень одарённой, чтобы все сложилось, как ты мечтаешь. Иначе всю жизнь будешь так себе, девочкой из кордебалета. Дочь, ну мы же вроде всё решили, – она резко сменила тон с требовательного на просительный.

– Это ты всё решила! – не поддавалась Люба. – А у меня другие планы!

– Ну как знаешь. Потом не обижайся!

Мама с досады уронила книгу, подняла её и ушла в дом, сердито хлопнув дверью.

Люба передёрнула плечами. Насчет своей театральной карьеры она не лукавила. В планах у неё был колледж искусств, куда можно было поступать после девятого класса.

Про колледж она узнала от Данилы. Правда, если честно, мысль эта в Любиной голове мелькнула и исчезла. А вот сейчас, в разговоре с мамой, раздражённая тем, что ей снова пытаются диктовать условия, она ляпнула сгоряча, что бросает школу, и неожиданно сама уверилась в правильности этого решения.

Глава 8

Люба в изнеможении опустилась на землю и раздражённо сняла наушники. Она даже не заметила, как плеер замолчал. И кто это сказал, что ягодка, которой кланялись, вкуснее той, что положили в рот без труда? Честное слово, Люба предпочла бы купленную на рынке!

Мама отправилась за молоком, оставив Сашку присматривать за братишкой, а Любе поручив собрать сегодняшний урожай: сегодня была её очередь. Люба эту клубнику уже видеть не могла – ни с молоком, ни без него.

Они жили на даче вторую неделю, а Любе казалось, что прошло уже полжизни. Дядя Андрей навещал их каждый день, привозил продукты и всё необходимое. Только по его ежедневным, как правило, утренним, визитам можно было судить о том, сколько прошло времени.

Иной раз после обеда наезжал Макс, и часа на три Сашка пропадала, бессовестно сваливая на Любу свои обязанности.

Как-то раз Макс прикатил на своем новеньком скутере. Девчонки, конечно, захотели покататься. Макс их покатал. Сначала Любашу провёз два раза вокруг дачного посёлка.

Люба была разочарована. Во-первых, она сразу же как-то неудобно уселась, во-вторых, сзади ей ничего не было видно из-за Максова шлема. К тому же ей показалось, что ездит он недостаточно уверенно.

Она не преминула высказать ему свои претензии, как только слезла.

– Не нравится – не ездят! – тут же обиделся Макс. – Обзор ей не тот, сидеть ей жёстко! Да на тутошной дороге, скажи спасибо, что вообще прокатились, – добавил он, бережно оглаживая руль. Потом кивнул Сашке. – Садись! Надень вот, – он протянул ей шлем.

Сашка, не церемонясь, обхватила Макса обеими руками, поэтому сидеть ей было, разумеется, удобнее. В тот раз они с Максом укатили куда-то надолго.

Люба снова включила плеер. В наушниках зазвучал «My Chemical Romance». В отличие от Саши, которая могла, в принципе, слушать любую музыку, Люба все-таки предпочитала классику. Люба вздохнула. Последнее время у них с сестрой обнаруживалось всё больше точек расхождения. И

ссорились они всё чаще. Она наугад взяла ягоду из кучи и брезгливо откусила.

– Выглядит соблазнительно, – донеслось от калитки.

Она вскочила и обернулась. На неё, улыбаясь, смотрел Данила. Она торопливо выдернула наушники, даже не выключив звук. Хорошо, что старенький плеер не тянул на такой громкости, которая нравилась Любе, и она в этот раз не потеряла связи с внешним миром. Иначе Даниле пришлось бы очень постараться, чтобы привлечь её внимание.

– Что-то не помню, чтобы я показывала тебе дорогу, – хмуро сказала Люба.

– Кто ищет, тот всегда найдёт. Чего не сделаешь ради красивой девушки!

Люба мельком оглядела себя. Красная, пыльная, растрёпанная. Красотка, ничего не скажешь!

– Всё еще дуешься? – спросил Данила.

– Ничего себе наглость! – изумилась Люба. – А ты считаешь, не за что? Чего ты вообще сюда припёрся? Я тебя видеть не могу!

– Да нет у меня с Ренатой ничего!

– А зачем ты мне врал?

– Не хотел, чтобы ты переживала. Да я сам не знаю, зачем соврал. Со мной это бывает.

– Мне это неинтересно.

– Любовь моя, неужели ты никогда не врешь?

– Я... – осеклась Люба

Если уж честно, то с появлением Данилы вся её жизнь превратилась если не в сплошное враньё, то в кучу недомолвок и недоразумений.

Так что она прикусила язык и благоразумно решила не развивать эту тему.

– На чём добирался? – спросила она, отводя глаза.

– Неважно. Слушай, мы так и будем издали общаться? Может, ты всё-таки откроешь?

Люба направилась к калитке. Хорош, сердито думала она про Данилу, не мог предупредить.

Она совсем забыла о том, что мобильник она оставила в городе. Егор, несмотря на предупреждение, пару раз добрался до неё по Сашиному телефону, а потом и вовсе замолчал. Чего она и желала.

Калитка распахнулась, несколько раз хлопнув по забору. Какой он всё-таки сильный, подумала Люба, стиснутая в объятиях.

– Ты отлично выглядишь! – заметил Данила. – Загорела, вижу.

– Ещё бы не загореть, – буркнула Люба. – Тржусь, как раб на плантациях.

– Давай помогу.

– Ещё чего!

– Мне же не трудно.

Данила вошел внутрь и направился к зеленеющим грядкам и дальше, к бочкам с водой для полива.

Взяв вёдра, он принялся качать воду ручным насосом. Люба вприпрыжку побежала за ним, прихватив из ведра горсть клубники. Половину она из рук скормила Даниле, пока он черпал воду. Половину разроняла, потому что он норовил вместо ягоды ухватить зубами её палец.

– Не поняла! – раздался за спиной Сашкин голос.

Люба обернулась. Сестра, нахмурившись, оглядывала их обоих. С крыльца, вслед за ней, сопя, спускался братишка.

– Привет! – поздоровался Данила.

Сашка сверкнула глазами и, не удостоив его ответом, направилась к рукомойнику. Она держала в руках Лёвкину чашку – вышла сполоснуть. Кран она крутанула так, что вода фонтаном брызнула во все стороны, окатив всех троих.

– Ну, спасибо! – произнес Данила, смахивая с лица брызги.

– Да на здоровье! Повторить?

– Саш, не начинай, а? – попросила Люба, внутренне закипая.

– А что такое? – с вызовом откликнулась Сашка.

– По-моему, мне здесь не все рады, – озадаченно произнёс Данила.

– Bravo! Сам догадался? Не прошло и часа. А теперь вали отсюда!

– Да как ты можешь! Он ко мне пришел, а не к тебе! – взорвалась Люба.

– Эй, эй! – снова вмешался Данила. – Только без драки, ладно? Я думал, мы подружимся, – прибавил он, взглянув на Сашу.

– И не надейся! Ты мне не нравишься!

– Саш!

– Что – Саш? Пусть знает всё, как есть!

– А вот тут она права. По крайней мере, честно. Уважаю, – сказал он, обращаясь к Саше.

Та вздёрнула голову:

– Меня этим не купишь!

Данила в растерянности развёл руками. Он явно испытывал неловкость. Поискав глазами, он остановился взглядом на Лёвке. Малыш, привлечённый громкими голосами, подошёл к ним и с тревожным любопытством вглядывался в лица спорщиков. Данила присел перед ним на корточки.

– Здорово, парень! Тебе я тоже не нравлюсь?

Лёвка молчал, исподлобья глядя на незнакомого человека.

– Смотри, что у меня есть!

Данила пошарил в кармане и достал оттуда свистульку, из тех, что выстреливают сложенным бумажным язычком. Он поднес её к губам и дунул. Свистулька издала пронзительный звук, а язычок, развернувшись, коснулся самого кончика Лёвкиного носа.

Данила рассчитал точно. Но Лёвка вздрогнул от неожиданности и разразился оглушительным рёвом. Саша подхватила его на руки.

– Ты совсем больной, да? – заорала она. – Я сейчас полицию вызову, если ты не уберёшься!

– Я же не нарочно!

– Он нечаянно! – в один голос воскликнули Люба с Данилой.

Все трое по громкости не уступали Лёвке, который орал, не переставая.

– Что случилось? Вас с того конца улицы слышно!

Мамино появление никто не заметил. Она поставила у крыльца бидон с молоком и, подойдя, взяла у Саши ребёнка.

Лёвка моментально затих.

– Так что стряслось-то? – повторила мама.

– А ты не видишь? Пришёл тут, ведра разбросал, потоптал грядки, ребёнка довел до истерики...

Ведра и правда в суматохе опрокинули. Насчет грядок – Данила испуганно посмотрел себе под ноги – Сашка значительно преувеличила. Истоптана была только дорожка между ними, ни один куст не пострадал.

– Кто? – спросила мама.

– А вот, Любкин хахаль!

– Выражения выбирай! – строго заметила мама.

Однако на Данилу посмотрела с любопытством.

– Я тебя сейчас стукну! – пригрозила Люба.

– Только попробуй! Я тебе наушники отстригу!

– Да будет этому конец когда-нибудь или нет? – воскликнула мама. – А ну, иди в дом! – прикрикнула она на Сашу.

– Я же еще и виновата! – возмутилась та.

– Иди, иди. Молоко захвати, в холодильник поставь, – напомнила мама.

– А ты ягодой займись, – обратилась она к Любе.

– Да собрала я уже всю твою ягоду! – с досадой ответила Люба.

– Значит, пересчитай! – мама толкнула её в спину, отсылая подальше.

Люба отошла на несколько шагов. Тогда мама обратилась к Даниле.

– Знаете, молодой человек, не знаю, как вас зовут...

Данила представился. Она равнодушно кивнула, принимая к сведению.

– Так вот, это не первый случай, когда мои барышни ссорятся из-за вас. А мне, знаете ли, хочется пожить спокойно. Может, и правда вам лучше уйти?

– Не вопрос!

Не говоря больше ни слова, Данила направился к калитке, по пути махнув Любаше рукой.

Она сделала движение ему навстречу, но он отрицательно покачал головой, улыбнулся и вышел.

– Мама! – с упреком произнесла Люба, обернувшись к матери.

– Да? – невозмутимо отозвалась та, спуская Лёвку на землю.

– Это нечестно! Вот возьму сейчас и тоже уйду!

– Давай, а чего ж... Куда? – она ухватила за плечо дочь, дёрнувшуюся к выходу. – Если ты ему нужна, он тебя и в городе дождётся. Успеете ещё нагуляться. А здесь нечего мне устраивать... битву титанов!

– Это ты Сашке скажи!

– Скажу, не волнуйся. Клубнику пересчитала? Пойдём ужинать.

После ужина Люба улеглась на диванчике в крохотной веранде, закрыв глаза и снова включив музыку. «Романс» долбил знакомые ритмы. Люба каждую композицию знала наизусть. Привычная музыка не мешала думать.

Нужна ли она Даниле?

Вроде бы сам её разыскал, приехал чёрт знает куда.

С другой стороны, его прогнали, и он пошёл. И за собой не позвал. Это как?

Нужна ли? Люба вдруг осознала, что уже не сомневается в том, нужен ли ей он.

Глава 9

Люба проснулась в шесть, соображая, что её разбудило. Рядом посапывала Сашка. Во сне она хмурилась.

С улицы донёсся протяжный звук. Вот из-за чего она проснулась ни свет ни заря! Звук повторился – очень какой-то знакомый, похожий на... Вот чёрт! У Данилы вчера свистулька так же дудела!

Люба поспешно встала, стараясь, впрочем, не потревожить спящую сестру, наскоро оделась и выскочила на улицу.

Ещё с крыльца она заметила большущий букет ярко-красных пионов, украшавший калитку. Она торопливо сбежала вниз и устремилась к калитке. Схватила букет и выглянула наружу.

Сбоку, прижавшись к забору, стоял Данила со своей дурацкой свистулькой во рту. Увидев Любу, он выплюнул её и улыбнулся:

– Знал, что услышишь. Доброе утро!

– Ты как добрался? Автобусы же ещё не ходят.

– А я и не уезжал.

– Ты хочешь сказать, что здесь ночевал?

– Ага.

Люба в изумлении уставилась на него. Глаза у Данилы покраснели, и вообще он имел вид человека, прошедшего бессонную ночь. Люба решительно взяла его за руку и повела за собой.

На улицу уже вышла мама, прямо в пижаме и накинутой поверх кофте. Видимо, её тоже разбудили сигналы Данилы.

Люба остановилась на нижней ступени крыльца и снизу вверх исподлобья взглянула на неё.

– Если ты его прогонишь, со мной тоже можешь распрощаться, – твёрдо сказала она.

– Кошмар какой-то, – произнесла мама.

Но в доме она сразу же усадила Данилу в кресло, принесла ему какой-то плед и посоветовала укутаться, пока вскипит чайник.

– Да я уже согрелся, – весело отбивался Данила.

Люба бестолково носилась туда-сюда, не выпуская из рук букета.

– Ты бы цветы в воду поставила, – заметила мама.

Люба опомнилась, кинулась во двор за водой. Когда она вернулась, уже проснулась Сашка. Уперев руки в бока, она пререкалась с матерью.

– Скажи пожалуйста, герой какой! – восклицала она. – Просто деваться ему некуда было. На чём бы он уехал в такое время!

А ведь последний автобус, кажется, и в самом деле уходит раньше, чем в то время, когда Данила вчера ещё находился здесь, мелькнуло у Любы. Но она быстро отогнала эту мысль.

– Закрой рот, – спокойно отвечала мама. – Лучше чаю гостю подай. Да и нам всем заодно.

Люба бережно поставила букет в трёхлитровую банку с водой. Она старалась ничем не выдать своего торжества, поэтому на сестру смотреть избегала.

Сашка так плеснула в чашки кипятком, что они остались почти пустыми. Зато на скатерти появились лужи.

– Осторожнее! – мама промокнула их чистым полотенцем.

Люба присела рядом с Данилой. Сашка с преувеличенной осторожностью принесла ей уже полную чашку.

– Отравы подсыпала? – поинтересовалась Люба.

Сашка не удостоила её ответом. Мама тоже промолчала, только укоризненно цокнула языком.

Воцарилось молчание. Сашка сердито хрустела печеньем, Данила внимательно оглядывался, мама прихлёбывала кофе с молоком. Люба потянула за хвостик своего чайного пакетика, выудила его и опустила в чашку Данилы. Тот проследил глазами за её движением и благодарно улыбнулся.

Сашка хмыкнула. Для неё их молчаливый диалог не остался незамеченным.

– Цветов где-то настриг, – прокомментировала она, взглянув на букет. – Кого ограбил-то?

– Почему ограбил? – невозмутимо откликнулся Данила. – Попросил, и мне дали. Я вообще купить хотел, но с меня денег не взяли.

– Щедрые какие! И встают в такую рань!

– Не вижу ничего удивительного. Ни в том, ни в другом.

– Хорош спорить! – вмешалась мама. – Обычно в такой ситуации говорят о другом...

Она стала расспрашивать Данилу про его семью, родителей, про школу и институт.

Сначала Люба испытывала неловкость. Но Данила отвечал охотно. Рассказывать о себе ему было легче, чем хранить молчание.

Люба только сейчас узнала, что у Данилы есть старший брат, что мама у него медсестра, а отец инженер-строитель, что кошек он любит больше, чем собак, но из домашних животных у них были только аквариумные рыбки.

Когда Данила заговорил об учёбе, беседа стала ещё более непринуждённой. Мама оживилась. Она с удовольствием слушала про их молодёжный

театр, выпрашивала подробности. Правда, к авангардной сцене она относилась скептически – это когда речь зашла про «Апельсин».

Они даже нашли несколько общих знакомых.

Иногда мама перебивала Данилу и рассказывала про собственные студенческие годы. Оба припомнили кучу разных смешных случаев из актёрской жизни.

Люба хохотала. И даже сердитая Сашка не смогла сдержать смеха, слушая про то, как на сцену выпустили дебютанта в роли посла. По сценарию он должен был произнести одну-единственную реплику: «Кладу дары к ногам твоим», – склоняясь перед царским престолом. Он переволновался, и его заклинило. «Кладу... Кладу...», – повторял он до тех пор, пока царь, потеряв терпение, не поднял голову и не произнёс: «Ну, наклал – и уходи!»

А мама рассказывала, как у них в сцене расстрела не сработала озвучка, палач долго и тщательно целился в жертву, потом в растерянности почесал голову стволом пистолета, и... Да-да, именно в этот момент грянул выстрел!

– А ещё у нас однажды поссорились главреж и препод по актерскому мастерству, – начал Данила. – Главное, оба личности заслуженные, у обоих возраст, мастерство, сценический опыт. Обоих студенты любят. На выпускном задумали их помирить. По задумке, они должны встретиться на сцене и пожать друг другу руки. В общем, мир-дружба-любовь. Так бы оно и было, если б главреж не сверзился прямо под ноги актёру. А тот возьми и ляпни: «Ну, так-то зачем уж?» Короче, не разговаривают до сих пор.

Мама улыбнулась.

– Данила, за кого вы меня принимаете? Я этот анекдот про Станиславского и Немировича-Данченко с первого курса знаю.

Данила засмеялся.

В разгар беседы пришёл Лёвка. Как все здоровые маленькие дети, он просыпался быстро и легко. И глаза у него были ясные. Он потянулся к матери, но та, наскоро приласкав, усадила его на отдельный стул и вручила кружку молока и печенья.

– Всё равно! – мама хлопнула по столу свёрнутой в трубочку газетой, будто кому-то возражая. – Это всё здорово и весело, когда учишься. И когда играешь на сцене. А грим смоешь, и...

Она не договорила, махнула рукой и, собрав посуду, отправилась её мыть.

Данила вопросительно взглянул на Любу, удивлённый такой переменной настроением. Люба пожала плечами. Она догадалась, что последние слова матери предназначены не в последнюю очередь ей, хотя и говорила она о себе.

После завтрака они с Данилой отправились гулять по посёлку.

– Неужели ты всю ночь здесь бродил? – спросила Люба.

– Ну, не всю. Сначала уснуть пытался. Вон там дача необитаемая, так я у неё на крылечке, на лавочке. Но ненадолго. Пришлось вставать и бегать. Ночью свежо.

– Бедный, – посочувствовала Люба.

Данила улыбнулся и привлек её к себе.

– Да ладно. Ради тебя можно и не такое вытерпеть. Подумаешь – бессонная ночь.

– Ага! – сдерживая восхищение, произнесла Люба. – А также насморк и бронхит.

– Думаю, обойдётся. Я же чаю горячего выпил.

– Как там «Апельсин» без тебя? Ты же говорил, каждый день на счету.

– Я им объяснил, что не могу работать без вдохновения... А вдохновение покинуло меня и уехало за город. Чтобы по ночам считать звёзды и слушать песни сверчков... а днём собирать клубнику. От этого глаза у него сияют, а губы... сладкие...

Слова у них уже давно мешались с поцелуями. Тёплая розовая волна накрыла их с головой и сделала невидимыми для остального мира. Или наоборот: заслонила собой весь мир. Это, в конце концов, было неважно.

– Ты и правда вся клубникой пахнешь, – сказал Данила, оторвавшись от неё.

Люба согласно закивала, подняв на него помутневшие глаза и не очень соображая, что он говорит.

Данила собирался уехать ближе к вечеру, с последним автобусом. Провести вторую ночь на улице ему не улыбалось, а стеснять Любашиных родственников казалось неудобным. Да и возвращаться уже пора.

За целый день его общение с Сашей едва достигло стадии односложных вопросов-ответов. Но Саша, по крайней мере, прекратила свои выпады против нежеланного гостя.

А после обеда приехал Макс. Сашка за версту безошибочно угадала треск его скутера, сорвалась с места и выскочила за калитку. Однако ни отвлечь Макса, ни подготовить его к неожиданной встрече ей не удалось. За медлив шаги, Макс подозрительно оглядел Данилу.

– Это кто? – спросил он, остановившись.

Саша молчала.

Тогда Люба сама объяснила, кто.

– Привет! – Данила шагнул к Макссу, протянув руку.

Но тот отступил назад, и даже правую руку спрятал за спину. Лево́й он держал большой круглый шлем.

– Да пошёл ты, – медленно и угрожающе произнёс он.

– Макс, послушай... – заговорила Саша.

Он повернулся к ней.

– А ты... А вы... – взгляд на Любу. – Обе вы предательницы!

Он кинул шлем на землю и пошёл прочь.

– Макс, ну я тут при чём? – Саша кинулась за ним.

Шлем упал на вымощенную дорожку, гулко стукнувшись оземь. Люба подобрала его, чтобы рассмотреть. Бледно-сиреневый, матовый. Где он только такой отыскал? Видно, специально для Сашки.

Над забором пронеслась верхушка собственного Максова шлема, чёрного, и несколько секунд спустя скутер затих где-то вдали.

Сашка вернулась.

– Добилась своего? – заорала она еще от калитки.

Будто Люба только и мечтала, что рассорить их с Максом.

– Я вас ненавижу! Обоих! – бросила Сашка.

И убежала в дом. Рыдать, наверное.

Уже поздно ночью, когда все события этого дня были позади: она проводила Данилу к автобусу, выслушала Сашкину истерику, – Люба вдруг подумала, как там Егор. Наверняка мучается неизвестностью.

Но мысль эта скользнула легко и безболезненно, словно капля росы по упругому листику.

Уже засыпая, Люба улыбнулась. «Считать звезды и слушать песни сверчков...»

Глава 10

Через два дня зарядили дожди, и они вернулись домой. Люба тут же разузнала правила приёма в колледж искусств и стала готовиться. Нужно было сдать два внутренних экзамена, по русскому и литературе, выдержать конкурс актерского мастерства (два тура) и пройти собеседование.

Времени оставалось две недели с небольшим. За русский и литературу Люба не волновалась. Она всегда любила читать, с грамотностью тоже особых проблем не имела.

Данила очень удивился, когда Люба сообщила ему о своём намерении поступать. Удивился больше, чем обрадовался – так ей показалось. Впрочем, он тут же принялся помогать ей.

К матери Люба даже обращаться не стала. Отношение той к сценической карьере дочери не изменилось.

Данила помог выбрать репертуар к первому туру. Сказал, что от этого многое зависит. Поэтому он разубедил её читать любимую Цветаеву.

– Почему? – обиделась Люба.

– Понимаешь, это почти штамп. Если девушка читает стихотворение, то непременно либо Марину, либо Анну. Не будь предсказуемой.

По той же причине, когда дело дошло до басен, Данила отложил в сторону томик Крылова, предложив выбрать другого баснописца.

– Их так много? – удивилась Люба.

– Пропать! Одних предшественников сколько! Дмитриев, Сумароков, Херасков...

– Как? – переспросила она.

Данила повторил. Люба покачала головой.

– Читать, конечно, тяжелее, – сказал Данила. – Зато не так в зубах навязло. А «Стрекозу и Муравья» и мартышку с очками бедные члены приёмной комиссии уже наизусть знают.

Стиль восемнадцатого века и впрямь оказался нелёгким. Люба, например, никак не могла понять, почему в одной из басен фонтан обзывает речку бедной, да к тому же и «подлой». Спросила у Данилы. Тот пожал плечами:

– Надо бы у Геши спросить.

Но так и не спросил. Зато принёс от Грибова несколько идей, как нужно читать восемнадцатый век. Самым безобидным выглядело то, что Геша предлагал читать сидя на полу.

– А может, на потолке? – невинно поинтересовалась Любаша.

– Ну чего ты? – обиделся Данила. – Геша советует из лучших побуждений. Прочтение у него такое...

– Из лучших побуждений? – изумилась Люба. – А мне кажется, от фонаря! Данил, ты чего? Да я если фамилию этого самого Хераскова назову, и то... уже экстрим! А ты мне про пол и потолок! Нет уж, буду читать Крылова. В позе памятника.

Данила хотел возразить, но передумал и махнул рукой.

– Ай! Делай, как знаешь. Не созрела ты ещё.

А про «подлость» объяснила мама. Она сказала, что в восемнадцатом веке подлыми называли просто-напросто безродных.

Когда Люба вызубрила все тексты, Данила взял её на репетицию «Апельсина».

– Почитаешь там. Будет тебе пробное испытание, – пояснил он.

– Не буду я читать! – возмутилась Люба.

– Зря. Тебе это только на пользу. Экзамен ты тоже не в пустом зале сдавать будешь.

Люба пожалала плечами. Но вообще-то ей было интересно увидеть наконец человека, которого так уважали Данила и его друзья. Грибов ей заранее не нравился – может быть, в первую очередь именно из-за этого всеобщего уважения, граничащего с поклонением.

Грибов носил тонкие усики и эспаньолку. Одет он был в просторную мятую рубаху навыпуск, с закатанными до локтей рукавами. Говорил негромко, но чётко и отрывисто, будто словами плевался.

Ещё он имел обыкновение заканчивать фразу дурацким полувопросом «да?». Любу это раздражало. «Вот мы имеем авторскую концепцию, да? – говорил он. – Но наша собственная концепция по-любому её перекрывает». Ну и дальше...

Люба не вникала, о чём он рассуждает. Кажется, они ставили что-то из Чехова, но по-своему, так что от Антона Павловича, на взгляд Любы, там мало что осталось.

Когда они познакомились, Грибов без улыбки кивнул ей и пожал руку. Люба по-своему расценила и его поспешное рукопожатие, и скользкий взгляд из-под полуопущенных век.

– Любовь моя, чего же ты хочешь? – возразил Данила. – На нём ведь вся программа к фестивалю. Он с тобой разговаривает, а у самого в голове ещё три темы вертятся.

– Ну и пожалуйста! Нечего на меня время гробить!

– Да брось ты! – снова возразил он, но уже без прежней уверенности.

Когда репетиция закончилась и все разошлись, Грибов попросил Любу подняться на сцену. Она вскинула голову и уверенным шагом вышла на се-

редину. Начала бодро, но потом отчего-то смутилась. Грибов, казалось, слушал её вполуха. Он все время ходил туда-сюда, то приближался, то удалялся, то заходил сбоку или сзади.

Наконец Люба замолчала и растерянно оглянулась. Наступила тишина. Люба начала потихоньку жалеть, что вообще затеяла всю эту историю с поступлением в колледж. Данила ждал, что скажет Грибов. Тот еще немного попинал ножку ближайшего стула.

– Смотри, вот ты вошла и встала, да? – наконец заговорил он, обращаясь к Любе. – Что в тебе сразу должно привлечь?

Люба пожала плечами. Как будто она каждый день проходит кастинги!

– Глаза! – Грибов ткнул себе в лицо вилкой из двух пальцев. – Чем меньше они у тебя бегают, тем лучше. А ты их таращишь, как...

Он не договорил, то ли не найдя подходящего сравнения, то ли мысленно перескочив на другое.

– А чтение? – не выдержал Данила.

Грибов ответил не сразу. Покачался с носка на пятку.

– Да нормально она читает, чё там! – сказал он. – Я вот думаю, может, ей вообще глаза закрыть?

– А может, на них еще повязку надеть? – живо откликнулась Любаша.

Грибов вопросительно приподнял брови. Люба испугалась, что он, чего доброго, всерьёз примет её предложение.

– Я пошутила, – пояснила она.

Ей вдруг стало смешно. Она фыркнула и рассмеялась. Геша тоже улыбнулся – кажется, впервые за всё это время.

– Ладно. Оставь всё, как есть, – сказал он. – Видимо...

– Знаю, знаю! – замахала руками Люба. – Я ещё не доросла!

По пути домой Данила спросил, как ей понравился Грибов. Люба задумалась.

– Я, конечно, не спец, но... Ничего гениального я в его постановках не увидела, – наконец сказала она.

– Ну, знаешь, в процессе репетиции вообще трудно что-либо оценить, – обиделся Данила.

– Ничего не трудно! – заупрямилась Люба. – А просто он, кажется, лепит, как придётся. Лишь бы «страньше». А вы ведётесь, как дурачки! Это как мама мне рассказывала. Снимали фильм. Там по сценарию одного человека похищают. И вот когда его трясут, как грушу, раздаётся звон – типа, деньги у него в кармане. Все говорят: зачем, мол, смысла никакого, а режиссёр заявляет: а мне пофиг, нравится, и всё. А смысл критики придумают.

– Гайдай, – задумчиво произнес Данила.

– Что?

– Режиссёр, говорю, Гайдай. Фильм «Деловые люди».

– Может быть. Не знаю. Так я о чём! Твой Геша, похоже, над смыслом тоже не особо думает. На критиков надеется.

– Даже если и так. Всё равно у него чутьё художника!

– Ну-ну, – только и сказала Люба.

Данила, кажется, остался несколько разочарован.

– Ладно, это всё детали. А ты поедешь со мной, если мы всё-таки выйдем на фест? – спросил он.

Люба кивнула.

Вернувшись домой, она вдруг почувствовала себя невероятно уставшей. Еще хватило сил на то, чтобы включить комп и открыть свою аудиоколлекцию.

Поелозив мышкой, Люба выбрала музыку наугад, слегка убавила звук и откинулась на подушки, закрыв глаза. Сейчас музыка была как живая вода – была энергичной струей, прогоняя усталость, возвращая силы.

Что же это такое? У неё же отличная спортивная подготовка, да и вообще, они с Сашкой, бывало, часами гоняли на роликах и ничего, могли зажигать хоть до утра. А тут вроде бы ничего не делала и будто выжали.

А может, и впрямь выжали? Может, этот Грибов того... вампир? Надо будет об этом подумать.

В общем, в голову ей лезла всякая чушь. Это были мысли особого рода, которые обычно почему-то приходят вечером и в первый момент кажутся откровением. Наутро они, как правило, теряют в весе.

Люба такими мыслями забавлялась. Она позволяла им гулять, как вздумается, ничем не стесняя своего воображения и напрочь отбросив здравый смысл и логику.

Глава 11

По приезду домой Люба пыталась дозвониться до Егора, решив, наконец, честно с ним объясниться. Ох, как это казалось нелегко! Не один раз, повторив про себя всё, что она хотела сказать, Люба набирала его номер и снова сбрасывала. А когда наконец решилась, телефон Егора оказался недоступен.

ВКонтакте он тоже не проявлялся. Кроме запоздалого сообщения, следов его пребывания здесь не обнаруживалось. Егор сообщал, что уезжает на очередные спортивные сборы. «Обязательно увидимся!» – жизнерадостно обещал он. Любу такая перспектива совсем не радовала.

А Сашка помирилась с Максом.

Несколько дней они названивали друг другу, вполголоса переругиваясь и выясняя, кто прав, а кто виноват. Наконец Сашка вернулась с прогулки весёлая, даже сама заговорила с Любой, сообщив о своем примирении с Максом.

Люба обрадовалась. Несмотря ни на что, ей не хотелось быть причиной раздора между сестрой и её любимым.

Саша прыгнула на подоконник, заняв любимое Любашино место.

– Всё зубришь? – спросила она, кивнув на письменный стол, заваленный книгами и распечатками текстов.

Люба поспешно захлопнула тетрадь в розовой обложке.

– Да нет, чего зубрить? Всё, что нужно, я уже выучила.

Надо сказать, Саша была поражена, узнав, что с Любиной стороны это никакая не блажь и она всерьёз собралась уходить из школы. Она не представляла себе, как будет учиться в одиночку.

Люба, если честно, тоже не могла представить, как можно сидеть за партой с кем-то ещё, кроме сестры. Они ведь даже уроки делали на двоих: одна – русский, другая – математику, потом списывали друг у друга.

Саша помолчала, задумчиво подёргивая штору.

– Любаш, скажи мне, ты его правда любишь, Данилу своего?

Люба замерла. В окно со стуком бились сразу две ночных бабочки. Естественно, им было невдомёк, что в полуметре от них приоткрыта другая створка окна.

– Люблю, – тихо ответила Люба.

– А как же Егор?

– Я не знаю. Если бы Егор ещё раньше меня бросил, я бы, наверное, умерла от горя. А тут – и умирать вроде незачем, и самое главное – я счастливая такая! Когда про Егора не думаю. А задумаюсь – всё, трындец! Выходит, самой бросать ещё тяжелее, чем когда тебя бросают.

Саша равнодушно наблюдала попытки бабочек протаранить стекло.

– Ну что ты молчишь? Разве я виновата, что Егор там, а Данила здесь и... Он такой классный!

Люба развернулась лицом к сестре.

– Я Максу, короче, сказала, что вы сами разберётесь, – сообщила Саша.

– Ну да, – согласилась Люба, без особого, впрочем, энтузиазма. – Вот приедет, и разберёмся.

– Кто приедет?

– Егор, кто же ещё!

– Он собирается приехать?

– Здравьете! Ты же мне сама сказала.

– Я наврала, – призналась Саша. – Ну, чтобы ты с Данилой поскорее завязала.

– Ну, ты даёшь, – только и сказала Люба.

На следующий день Данила куда-то исчез. Люба тщетно пыталась ему дозвониться. Когда она, вконец раздосадованная, – оставить её накануне экзамена, когда у неё, может, судьба решается! – нацепила наушники и залегла на диване в обиде на весь мир, он вдруг появился.

– Ну и где ты пропадал? – недовольно спросила она, когда они вышли из подъезда.

Данила махнул рукой.

– Что-нибудь случилось? – встревожилась Люба.

Он вздохнул.

– От нас Гарик ушёл, – сказал он, помолчав. – Перебежал к конкурентам, зараза!

– Ох! Что же теперь будет?

– Даже не знаю. Что же он, гад, раньше этого не сделал! – воскликнул Данила со злостью, впечатав кулак в собственную ладонь. – Теперь придётся с нуля начинать.

– Разве нельзя его кем-нибудь заменить? – робко спросила Люба.

Данила покачал головой.

– У Геши так не получится. У него если новый актёр – то это совершенно другая пьеса.

– Какие сложности! – пробормотала Люба.

Честно говоря, проблемы «Апельсина» она принимала близко к сердцу только из-за Данилы.

Он тряхнул головой:

– Ладно, чего там! Всё равно ничего не изменишь. Ты-то как? У тебя же первый экзамен завтра.

– Да. Я боюсь, – призналась Люба.

– Брось! Ты что, экзамены в школе не сдавала?

– Так то в школе! Там я всех знаю.

– И здесь всех узнаешь. Да не переживай ты! У преподав, конечно, разные закидоны бывают, но в приёмную комиссию обычно адекватных чуваков сажают. Ты им понравишься! Вот увидят тебя...

– Ага! И тут же хором упадут, сражённые моей неземной красотой!

– А то! Ну, хочешь, я пойду с тобой завтра?

– Хочу.

Данила посоветовал расслабиться и больше не вспоминать о предстоящем испытании. Люба так и сделала. Они погуляли, наслаждаясь тёплым летним вечером.

Между прочим, встретили Ксеньку Стрижову. Та была с новым парнем. Встретившись с Любой и Данилой, она окинула их пренебрежительным взглядом и, даже не поздоровавшись, прошла мимо.

Люба отметила с удовлетворением, что Данила даже не заметил свою бывшую подружку.

После недавних дождей на улице было свежо. Лужи неровными глянцевыми заплатами покрывали асфальт. Вкрадчивым бархатным шёпотом – совсем не так шелестит сухая листва! – переговаривались о чём-то деревья. Любе начало казаться, что вокруг – сплошь декорации.

То ли это присутствие Данилы так на неё влияло, то ли столкновение с артистической средой давало о себе знать, то ли ещё что-то совсем необъяснимое, но последнее время у неё часто возникало чувство, будто она не живёт, а играет роль в тщательно поставленной пьесе. И даже не играет, а только репетирует.

Неужели и правда, ужаснулась она, люди взрослеют и примеряют на себя подходящие роли, надевают маски, и у них больше не получается быть предельно искренними даже перед самими собой? И неужели никого это не минует?

Экзамен начинался, кажется, в девять. Люба проснулась задолго до будильника. Несколько минут она, по обыкновению, лежала, рассматривая потолок. По потолку бежали волны. Занавеска на окне колебалась от сквозняка и играла солнечными лучами, уже набирающими силу.

Люба пошевелилась. В ногах коротко муркнул Персик.

Она вдруг услышала звонкий стук каблучков по асфальту. Вслед за этим раздался рёв малолетнего карапуза:

– Не хочу-у! Я сказал – не хо-чу!

Откинув простынь, Люба бросилась к окну. Эта сцена разыгрывалась каждое утро. Пацана вели то ли в садик, то ли к няне, и каждое утро он ныл, что не желает туда идти.

Люба ему сочувствовала. Она помнила, как тоскливо было им с Сашей, когда их обеих утром тащили за руки в детский сад. Ноги не поспевали за мамой, – она всегда спешила, – ветер бил в лицо, идти приходилось практически вслепую, тоже с рёвом на два голоса...

Но это было зимой и осенью. А летом детей чаще всего забирали из сада на оздоровительный период. Любу с Сашей тоже увозили к бабушке, и они очень радовались.

Летом в садике! Нет, Люба определённо сочувствовала этому мелкому.

Несколько раз она пыталась разглядеть карапуза с его мамашей. Но они всегда опережали её намерение, и Люба видела их только со спины. Тем не менее она считала их наполовину знакомыми.

Умывшись, Люба отправилась на кухню.

В доме было тихо. Отчим уже отправился на работу. Остальные спали. Завтракать не хотелось. Люба налила себе соку, машинально отхлебнула и поморщилась.

В кухню вошла встрёпанная и заспанная Сашка.

– Волнуешься? – спросила она, в свою очередь плеснув соку в бокал.

– Угу.

Надо сказать, отношения между ними в последние дни наладились.

– Я бы на твоём месте тоже волновалась, – призналась Сашка. – Как ты вообще решилась!

Она говорила, сооружая себе бутерброд.

– Да не, прикольно на самом деле. Будешь, как мама.

– Угу, – повторила Люба.

– Ты всё помнишь?

– Вроде всё.

Люба подняла глаза, припоминая, некоторое время беззвучно шевелила губами, загибая пальцы, потом в ужасе уставилась на сестру:

– Блин, Сашка, зачем ты спросила!

– Что – забыла, да? – Сашка вскочила с места, поспешно проглотив остатки бутерброда. – Ты это... Ты, главное, не волнуйся.

– Ничего не помню!

Люба в ужасе кинулась в спальню и стала лихорадочно листать книги. Сашка устремилась за ней.

– Ой, мамочки! – Люба без сил опустилась на стул.

– Так, спокойно! – Сашка щёлкнула пальцами. – Сядь и остынь. Смотри на меня, глубоко вздохни и считай до десяти. Считаешь?

– Иди ты лесом, Саш! Психолог хренов! Из-за тебя всё!

– Ничего подобного! – не согласилась Саша. – У тебя просто стресс. Нужно успокоиться, и всё пройдет. Ты же учила, значит, вспомнишь.

Заглянув в шпаргалки, Люба и впрямь почувствовала себя увереннее.

– Однако мне пора, – заметила она, взглянув на часы.

– Что ты наденешь? – спросила Саша.

Люба достала из шкафа приготовленное с вечера клетчатое платье. Саша одобритительно кивнула. Люба помчалась в ванную. Около часа ушло на то, чтобы вымыть и уложить волосы. Непослушные прядки, как назло, никак не желали принять нужное положение.

– Постричься бы тебе надо, – заметила Саша, наблюдая за Любиными мучениями.

– Перед экзаменами не стригутся, – буркнула Люба.

Она скользнула в платье и принялась за макияж.

– Сильнее крась, – советовала Саша.

Заразившись от Любы, которая нервничала, потому что уже ощутимо опаздывала, Саша носилась по комнате, роняла вещи, перекладывала с места на место нужные и ненужные предметы, сталкивалась с сестрой и болтала не переставая.

Наконец Люба была готова. Саша придирчиво осмотрела её.

– Ну, ничего так, – оценила она.

– Да уж! – это мама вышла из спальни. – Впечатляет. Ты бы определилась, чего ты хочешь: поступить в колледж или членом комиссии шокировать.

– Это вполне совместимо, – заметила Люба.

Она оглядела себя в зеркале. Сумка, митенки, клетчатое платье – всё было под цвет, лиловое с чёрным. Глаза она нарисовала так, что Грибов мог бы не переживать: они привлекали к себе внимание. Даже закрытые.

– Зато сразу видно: человек не из стада. Индивидуальность, – заступилась за сестру Саша.

– Гос-споди, вас таких индивидуальностей по городу ходит – кунсткамеру можно создать, – насмешливо произнесла мама.

– Короче, пошла я, – сказала Люба.

– Ни пуха! – Сашка крикнула это уже из окна.

– К чёрту! – на бегу откликнулась Люба.

Мельком глянув на остановку, она, не сбавляя шагу, устремилась вперёд. Главное, автобуса ждать смысла не было. К колледжу искусств от них вёл только один маршрут, а если срезать путь, то можно было дойти минут за двадцать быстрым шагом. Дольше прождёшь.

Минуя кафе, салоны, магазины, аптеки, Люба вообразила себя ракетой, набирающей скорость. Так было интереснее. И, кстати, быстрее. Она даже руки развела в стороны, словно крылья, и принялась тихонько гудеть.

Увлёкшись, она одним махом проскочила перекрёсток. Он показался ей необитаемым: ни людей, ни машин. Светофор мигал поодаль – Люба не видела, каким светом. У неё и в мыслях не было, что она нарушила какие-то правила. Однако, как выяснилось секундой позже, она ошибалась. Её вдохновенный полёт был прерван резкой трелью свистка. Путь ей преградил инспектор ГИБДД в форме и со своей полосатой палкой.

Люба резко остановилась. Быть задержанной, пусть даже только для внушения, не вписывалось в её планы. Она уже сильно опаздывала. Поэтому она резко дунула в сторону, в ближайший переулок.

Люба снова мчалась, как ракета, но теперь мимо неё пролетали дворы, подъезды, качели, песочницы, лавочки, сидящие на них люди... Она упала, расцарапав коленку и напрочь убив митенки, которые тут же на ходу стянула и выбросила.

Ей казалось, что она слышит топот прямо у себя за спиной. Она с тоской подумала о том, что удаляется от места, где они должны были встретиться с Данилой.

Данила ждал её у самого входа во двор колледжа. Она подлетела к нему со стороны, противоположной той, откуда он её ждал.

– Спаси меня! – завопила она, спрятавшись за его спиной.

– Что? Что случилось?

– Я не знаю, что им от меня нужно, – плачущим голосом воскликнула Люба, оглядываясь по сторонам.

Но преследователей поблизости не наблюдалось.

– Так в чём дело? – спросил Данила.

Путаясь и сбиваясь, она рассказала о своих злоключениях. Данила ничего не сказал, только укоризненно покачал головой. Люба виновато втянула голову в плечи.

– Ты хоть знаешь, который час? – спросил он.

– Начался уже экзамен, да? – жалобно пискнула Люба.

– Три часа назад! Пошли быстрее!

– Подожди... Как – три?! Начало же в девять!

– В восемь, а не в девять!

– Вот чёрт! Всё равно подожди...

Она стянула через голову сумку, шлёпнула её на выступающий фундамент забора и уселась сверху, оглядывая разбитую коленку. Только теперь она ощутила боль.

– Ну, ни фиги себе! – воскликнул Данила, склоняясь над ней. – Больно? Покажи.

– Я из-за них полгорода пробежала. Раненая! – чуть не плача, пожаловалась Люба.

– Не нужно было на красный свет дорогу переходить.

– Там же никого не было! Ни души!

– Не волнует. Виноват не в том, что нарушил, а в том, что попался. Пошли. Здесь фонтан недалеко. Горе ты моё...

– А экзамен?

– Пятнадцать минут ничего не решат.

Они перешли дорогу. Люба снова попыталась было рвануть на красный, но Данила удержал её за ремень сумки.

Он усадил её у фонтана, бережно промыл ссадину и осторожно подул на больное место. Потом посмотрел на неё снизу вверх и улыбнулся. Солнце играло так же, как в тот памятный день, когда они катались на лодке. В глазах Данилы Люба увидела своё отражение. Она всё-таки утонула в них...

Глава 13

Первым очнулся Данила.

– Ч-чёрт, с тобой всё на свете можно забыть! Вставай, вставай, – поторопил он.

Люба попробовала встать, ступить на больную ногу. Оказалось терпимо.

– Вид у тебя, – заметил Данила.

– Ничего. Сегодня много двигаться не придётся. Как-нибудь справлюсь.

– Да я не о ноге, – отмахнулся Данила. – Я о прикиде твоём.

– Тебе же всегда нравилось! – возмутилась Люба.

– Мне и сейчас нравится. Да я не говорю, что плохо. Просто... Ну, читать классику в таком наряде...

– Ну и что? Это даже... как говорит твой Грибов? Концептуально!

– В данном случае Грибов сказал бы, что это эклектично.

– Это как?

– В википедии посмотришь. Пошли!

Они свернули к дороге и тут увидели идущих им навстречу Гарика Смирнова и Ренату. Сегодня она была одета в длинный сарафан, а волосы забрала в пучок. Они неторопливо прогуливались по скверу и о чём-то беседовали.

Данила изменился в лице. Он направился к парочке, волоча за собой Любу, совсем забыв о её больной ноге.

– Привет! – преувеличенно жизнерадостно воскликнул Данила.

– Здравствуй, – спокойно ответила Рената.

Гарик промолчал.

– А ты сволочь, Смирнов! – уверенно заявил Данила.

– Да пошёл ты!

Гарик произнес это с большим чувством. Фраза в его устах прозвучала так, будто на раскалённую сковороду брызнули. Прошипело и испарилось. Данила даже опешил.

– Я не понял, тебя чем-то обидели что ли?

– Ничем меня не обидели! А только нечего мне предъявы кидать – типа иуда и всё такое!

– Иуда и есть!

– Я вам не частная собственность! Свободу выбора ещё никто не отменял.

– Ах ты, урод! Ты мне ещё о свободе лепить будешь!

Данила кинулся на Гарика и схватил его за ворот футболки. Люба взвизгнула и кинулась к нему. Данила на миг оторвался от противника. Обернувшись к Любе, он взял её за плечи и легонько оттолкнул.

– Любовь моя, посиди в тенёчке, я сам разберусь.

И тут же вернулся к Гарика.

– О какой свободе ты говоришь, Смирнов? Тебя же купили с потрохами! Что тебе обещали, ну? Аспирантуру? Место в руководстве? Или вот она тебе что-то обещала?

Данила кивком головы показал на Ренату. Та только слегка вздёрнула брови.

– Ты идиот, Берестов! – не оставался в долгу Гарик. – Да ваш «Апельсин» скоро съедят, нечего делать! Таких однодневок по тыще на каждый крупный город!

Тут Данила с размаху впечатал Гарика в ухо. Но тот не сробел и ответил хорошим нижним ударом в челюсть. Люба снова невольно вскрикнула. И тут вперёд выступила Рената. Всё это время она молча и вроде бы безучастно наблюдала за происходящим.

– Хватит! Как мальчишки себя ведёте!

Она как-то негромко это произнесла, но так отчётливо, так звучно, так... Повелительно, в общем. Даже на Любу подействовало. А Данила с Гариком – те просто замерли.

– Выпустили пар? – поинтересовалась Рената. – Теперь сядем и спокойно разберёмся. Даня, я это тебе говорю, чтобы Игоря потом больше никто не изувечил из ваших.

Данила покорно кивнул. Люба вспыхнула и подошла к нему, уцепившись за локоть. Он оглянулся, будто очнувшись.

– У тебя же экзамен! – спохватился он.

– А у тебя кровь! – воскликнула Люба.

Губа у него и в самом деле кровоточила.

– Ничего, – он сплюнул. – Я в порядке, правда. Ты иди, мне в самом деле поговорить нужно.

Люба покосилась на Ренату. Та снова стояла рядом с Гариком, но смотрела на Данилу. Тот снова кивнул Любе, провожая её.

Но она ушла не сразу. Удалившись на безопасное расстояние, она украдкой оглянулась на оставшуюся позади троицу. Никто уже не дрался.

Рената шагнула к Даниле и коснулась его лица. Вероятно, промокнула платочком разбитые губы. Люба топнула ногой. Но возвращаться не стала.

В экзаменационную аудиторию она вошла последней, хотя очень и очень вовремя: только что вышел предыдущий абитуриент, предпоследний.

Люба отчитала свою программу без запинки, но и без особого вдохновения. Саша оказалась права. Память, не скованная страхом, услужливо выдала всё, что потребовалось.

А Люба не боялась. Её сейчас занимало совсем другое. Кому сейчас Рената врачует раны?

Посоветовавшись, ей сказали, что она может приходить на второй тур. Люба даже не обрадовалась. Удачный исход казался ей скромной компенсацией за тревоженье сегодняшнего дня.

Вечером в «Апельсине» обсуждали произошедшее.

– Да устроить ему тёмную, Гарику, чего там! – кричал Артём.

– Зачем? Что от этого изменится? – возражала Маша.

– Ничего. Зато получит по заслугам!

– Он уже получил. Правда, Даня?

Данила угрюмо кивнул.

– Геша этого точно не одобрит. Да и скандалы нам ни к чему, – рассудительно заметил молчавший до сих пор Мигель, Родькин брат.

Родька, кстати, тоже был здесь, но помалкивал, не вмешиваясь в разговоры старших. А вот Грибов отсутствовал. Вероятно, обдумывал дальнейшую стратегию в одиночестве.

Артём насупился, сидя на подоконнике и болтая ногой.

– Надо тогда у Аполлонов тоже кого-нибудь увести! – осенило его.

– Кого же? – откликнулась Маша.

– А кто у них на главных ролях? Натку Снегиреву!

Люба напряглась.

– Ренату? Дохлый номер! – уверенно возразила Лика.

– Это почему?

– Хотя бы потому, что ей и там неплохо! С какой это стати она будет отказываться от главной роли ради неизвестно чего?

– Не чего, а кого! Не только же роли её интересуют! – сказал Артём, покосившись на Данилу.

– Прикуси язык, если ничего дельного предложить не можешь! – вскинулся Данила.

Сердце у Любы радостно подпрыгнуло.

Данила прямо закипел. Значит, он против того, чтобы Рената была с ними.

Да, если честно, Люба с трудом представляла себе эту девушку, с её взглядом, с её царственной походкой и всем остальным, среди грибовских единомышленников.

Глава 14

Второй тур Любе предстояло выдержать через несколько дней. Основную часть его составляли этюды. Данила приволок ей какие-то брошюры по искусству экспромта и пантомимы. Однако, пролистав их, Люба рассудила, что читать об этом бессмысленно.

– Бездельничаешь! – укорила её Саша, застав за ежевечерним маникюром.

– Силы коплю, – поправила Люба, не отрываясь от своего занятия. – А как еще готовиться-то? Этюд он и есть этюд. Вот скажут тебе: покажи, ну там, грабителя... Вот покажи!

Саша показала: втянув голову в плечи и, зыркнув по сторонам, засеменила в угол походкой сыщика из «Бременских музыкантов».

Люба заинтересованно подняла голову, держа на излёте кисточку с лаком.

– Ладно... А байкера?

Саша, сдвинув брови, оседлала воображаемый мотоцикл.

– Ну, людей легко изображать. А вот... яичницу, например!

Саша плашмя упала на пол, раскинув руки.

– Не оригинально, – заметила Люба.

– Ну так... Это же ты у нас собираешься стать великой актрисой, а не я. Слушай, а это весело! – сказала Саша, вставая.

Разговор о театре на этом не закончился. Вскоре зашел Данила. Пока он ждал Любу, мама пригласила его на чашку чая. Приведя себя в порядок, девчонки присоединились к ним.

– Может, я, по-вашему, человек пещерный, – говорила мама. – Но мне кажется, для собственного творческого почерка одного зелёного яблока недостаточно.

– Какого зелёного яблока? – спросила Саша, вклиниваясь в разговор.

Люба поняла, о чём речь.

Геша придумал положить на голову герою большое зелёное яблоко, которое через несколько секунд падает ему в руки. Люба, увидев эпизод в первый раз, спросила у Данилы, зачем это. Тот попытался разъяснить ей, что это не просто яблоко, это такой гениальный сценический ход, режиссёрская находка, аллюзия на Вильгельма Телля.

Люба согласно покивала, жалея о том, что не может по достоинству оценить «гениальный сценический ход»: она смутно помнила, кто такой Вильгельм Телль и совсем не знала, что такое аллюзия.

– А ты что думаешь? – спросила она у сестры, вкратце пересказав суть.

– А чего тут думать? Это корона у него такая. «Бери, бери, у меня еще есть, больше и красивее», – произнесла она голосом короля лемурув из мультфильма «Мадагаскар».

Данила захохотал.

– Зачёт, Сашка! Ни убавить, ни прибавить!

Мама пожала плечами. Сашка зарозовела от удовольствия.

Люба улыбнулась. Сашка, кажется, вполне примирилась с существованием Данилы. Это сильно облегчало жизнь.

Впрочем, она вспомнила эпизод, который, едва ли не единственный в грибовской постановке, ей по-настоящему понравился. Герои там вели диалог неестественно надрывными голосами, имитируя истерику (это было такое скрытое признание в любви, хотя о любви не было сказано ни слова), а в

конце раздавался каскад звуков – как будто одну за другой обрывали струны большого рояля, содрав с него крышку. Данила утверждал, что это тоже какая-то аллюзия. На Любу произвели впечатления именно эти звуки – голос большого истерзанного инструмента.

В дверь позвонили.

– Это Макс! Открой! – торопливо допив чай, Сашка кивнула сестре и умчалась в комнату – навести последний лоск.

Люба отправилась встречать гостя.

– Проходи, – пригласила она, открывая дверь.

Поздоровавшись, Макс вошёл. Услышав голос Данилы, он хмуро покопился на притворённую дверь в кухню.

Люба дёрнула плечом и вернулась на место допивать чай. Макс по-прежнему считал её предательницей.

Ещё раз опоздать на экзамен – это было бы уж слишком. Люба собиралась быстро и чётко – как солдатик.

Данила сегодня отказался её сопровождать, сославшись на неотложные дела. Одевшись, она взглянула на часы. В запасе было часа полтора. При её любви к препятствиям и сложным маршрутам это, конечно, ничего не значило, но всё-таки...

Она уже выбежала из подъезда, когда раздался телефонный звонок. Звонил Родька.

– Я уточнить: сбор у дальнего моста в девять? – спросил он, поздоровавшись. – Для меня место в машине найдётся? Меня вчера не было, когда договаривались.

– Какое место? Какой сбор?

Люба в недоумении приостановилась.

– Ну как? Вчера же решили. Едем в «Берендей», на целый день, все наши: Артем с Ликой, Гарик с Наткой, Даня... Я думал, ты с ним, – озадаченно произнёс он.

Люба перестала чувствовать собственное тело.

Только сердце продолжало стучать – огромной кувалдой, гулко отдаваясь в ушах.

– Люба-аш, – окликнул Родькин голос. – Ты чего молчишь?

– Где, ты говоришь, они собираются? – вкрадчиво спросила она, овладев собой.

Родька повторил.

– И в честь какого же это праздника?

– Так Даня с Гариком вроде помирились.

– Понятно, – Люба положила трубку.

«Берендей» – это была одна из туристических баз, расположившихся неподалеку. На самой базе Любе бывать не приходилось, но она проезжала мимо. Места живописные.

До назначенной встречи оставалось немного. Нужно было спешить. Люба помчалась к остановке, к поджидавшему её автобусу. Она даже на но-

мер маршрута смотреть не стала. Туда, куда она направлялась, ехал каждый второй автобус. Она уже взялась за поручень... Чёрт! А экзамен как же?

Когда Люба ворвалась в квартиру, Сашка ошалело уставилась на неё.

– Ты чего? Уже всё? Или за тобой опять гонится кто-нибудь?

Несколько секунд Люба стояла, прижав руки к груди и умоляюще глядя на сестру. Потом кинулась к ней:

– Сашка! Ты должна мне помочь!

– Это как?

– Пойди в колледж, покажись вместо меня.

– Ты что, сдурела? Что вообще стряслось-то?

– Я потом расскажу... Саш, я тебя умоляю! Никто ничего не заметит, мы же с тобой на одно лицо! А готовилась я – ну, ты сама видела. Да ты лучше меня справишься!

– Да я даже не знаю, куда идти!

– Я объясню! – торопливо воскликнула Люба.

– Чокнутая! – выдохнула Саша.

Тем не менее она уже одевалась.

– Сашечка, спасибо, спасибо! Как же я тебя люблю!

– Ой, ладно! – отмахнулась Сашка. – Рисуй давай, где этот твой колледж.

Люба поспешно набросала на бумаге приблизительный маршрут, наскоро объяснила, что Саше нужно делать и кого искать, и помчалась к месту встречи, на которую её не позвали.

Ей казалось, что автобус едет слишком медленно, не едет, а ползёт. И на остановках они простаивали невыносимо долго. И все встречавшиеся им светофоры злорадно пялились на них враждебными красными глазами.

С тем же вызывающим торжеством блеснула ей навстречу гладь реки, когда она выбежала на набережную к дальнему мосту. Но компании, которую Люба надеялась увидеть, там не было. Оглядевшись и увидев неподалеку Родьку с рюкзаком, она поняла, что опоздала.

Родька стоял к ней спиной и бросал в воду камешки.

Набережная здесь выглядела диковато – из-за обрыва. Даже не обрыва, а крутого спуска. По его краю Родька и прохаживался. Заметив Любу, он остановился. Она сама подошла к нему.

– Уехали? – спросила она.

Родька кивнул.

– Они в разных машинах поехали, – на всякий случай добавил он, имея в виду, по-видимому, Данилу и Ренату.

Люба стояла, сжимая кулаки, и, сузив глаза, смотрела на противоположный берег.

Родька отошел в сторону, сбросив рюкзак у ног.

Через некоторое время он вернулся, волоча перед собой какую-то корягу.

– Что это? – нахмурилась Люба.

Родька выпрямился, отряхивая руки.

– Ну... Я бы сейчас на твоём месте пнул что-нибудь хорошенько. Прямо туда, – он кивнул вниз, на отмель, которой заканчивался крутой и заросший берег.

Люба вняла его совету. Она изо всех сил ударила по коряге, которая тут же покатила вниз, приминая траву и разваливаясь по пути. В воду плюхнулась лишь её половина.

Люба присела на краю спуска, прямо на землю, и расплакалась. Родион молча стоял рядом.

– Для тебя что, тоже в машине места не нашлось? – спросила она, немного успокоившись.

– Нашлось, – хмуро ответил он.

– А чего ты тогда здесь?

– Ты не поехала, и я не поехал.

Люба покосилась на него и шмыгнула носом.

Не глядя на неё, Родька протянул платок. Она шумно высморкалась.

Тем временем потемнело и начал накрапывать дождь.

– Так им и надо, – сказала она, глядя на небо.

– Пойдем куда-нибудь. Сейчас ливанёт, – предложил Родька.

– Ну и пусть ливанёт. Мне терять нечего, – упрямо отозвалась Люба.

Дождь и в самом деле припустил не на шутку. Капли зашлепали по асфальту, всё тяжелее и чаще. Послышался чей-то визг и смех, кто-то пробежал, но шагов уже не было слышно.

Всё слилось в сплошном весёлом шелесте городского ливня. Дождь смывал с асфальта отпечатки беспорядочных встреч, и следы только что пролитых слез с лица он тоже смывал.

Когда он кончился, Родька с Любой были мокры насквозь. Зато Любе заметно полегчало.

– Ну вот, умылась заодно, – сказала она, улыбнувшись и тряхнув волосами.

– Ты замёрзла? – спросил Родька. – А то у меня в рюкзаке свитер есть.

– Ты думаешь, твой рюкзак сухим остался?

Родька проверил. Рюкзак, конечно, тоже намок, но до свитера влага не добралась. Люба с удовольствием нырнула в шерстяное согревающее нутро. Рукава она подвернула, а в остальном свитер оказался очень даже удобным.

– А ты? – покосилась она на Родьку.

– Я нормально, – заверил он.

Они направились обратно к центру. Небо всё еще хмурилось, но дождь уже кончился, и в город возвращались привычные звуки.

– Ну, хочешь, мы тоже съездим куда-нибудь, – предложил Родька. – У меня велосипед есть.

– Нет, – Люба покачала головой. – Настроения нет. И вообще у меня экзамен сегодня.

– Во! – удивился Родька. – Ты не опоздаешь?

– Нет. Я вообще не пойду.

– Не примут же.

– И пусть! Мне уже всё равно.

Они проходили мимо магазина игрушек. Люба остановилась и посмотрела на себя в витрину.

Утерла со щёк оставшиеся от туши разводы и раскинула руки в стороны, любуясь Родькиным свитером.

– Хороша! – с иронией сказала она.

Родька тоже смотрел на её отражение. От её возгласа он словно очнулся.

– Подожди. Я сейчас.

Он кинулся в магазинчик, оставив на Любу свой рюкзак. Минуту спустя он появился оттуда с гроздью ярких воздушных шаров.

Люба захлопала в ладоши. Родька улыбнулся.

– Держи. Рад, что угадал, – сказал он, вручая Любе всю связку. – Не упусти. Они с гелием.

Шары, и правда, рвались вверх, упруго поддёргивая нити.

– Слушай, супер! Правда, угадал!

Родька покраснел от удовольствия.

Люба окончательно повеселела. Она, пританцовывая, шагала по улице с шарами над головой.

– У тебя есть девушка? – спросила она Родьку.

– Есть, – помедлив, ответил он.

– Я никогда тебя с ней не видела, – заметила Люба.

Родька пожал плечами.

Мимо протопал, держась за мамину руку, карапуз лет четырех или пяти. Увидев Любины шарики, он сначала в изумлении открыл рот, потом стал дёргать мать, зовя посмотреть.

Покуда они не поравнялись, он не отрывал глаз от разноцветной грозди. А потом всё оглядывался, споткнулся, едва не полетел носом в землю...

– Подожди, – попросила Люба.

Она тоже не сводила глаз с мальчишки. Ей показалось, что это – тот самый, утренний!

Она отцепила один шарик, ярко-красный, вернулась, протянула ему – держи! Тот сначала в смущении прижал кулачок к груди, не решаясь взять. Потом всё-таки взял. Конечно! В детском саду летом шарики не дарят. Летом там обычно делают ремонт.

Но через пару шагов Люба с Родькой услышали удивленный вскрик мальчишки и, оглянувшись, увидели свой шарик, плавно и стремительно уходящий в свободный полёт.

Люба повернулась к Родиону.

– А можно, я и остальных отпущу? Они прямо как живые. На свободу просятся.

– Конечно. Они же твои. Делай с ними всё, что хочешь.

Люба оставила только один – тоже ярко-красный – для Лёвки. Синий, жёлтый, зеленый, розовый, лиловый – один за другим шары взмывали вверх, превращаясь в яркие разноцветные горошины.

А потом выглянуло солнце.

Глава 15

– Ты уже дома? – удивилась Саша, когда Люба открыла ей дверь. – А я...

Люба, сделав страшные глаза, приложила палец к губам. Во-первых, Лёвка спал согласно режиму. Шарик, от которого он пришел в восторг, мерно покачивался под потолком. Кроме того, незачем было посвящать в их тайну посторонних.

Войдя в комнату, обе заговорили одновременно.

– Рассказывай!

– Сначала ты!

– Фигушки! Сначала я узнаю, ради чего меня сегодня заставляли быть царевной-лягушкой

– Кем заставляли? – не поняла Люба.

– И это ещё не самое худшее! – тараторила Сашка, стаскивая через голову платье. – Были еще ограбленный прохожий, лежащий камень, стюардесса на падающем самолёте, Татьяна пишет письмо Онегину и ещё... Не помню уже.

Выглядела она, впрочем, весёлой и возбуждённой.

– И вообще у меня стресс и скоро будет голодный обморок. Если ты помнишь, я по твоей милости ушла из дома без завтрака. Так что рассказывай, да побыстрее.

Выслушав Любу, Сашка всплеснула руками.

– Ничего себе он фигуры выписывает, Даня твой! Да, мне на твоём месте тоже было бы не до экзамена.

Люба вздохнула.

– Ну, а у тебя как?

– А! – отмахнулась Сашка. – Всё почти как ты рассказывала. Только этюды разыгрывали группами: по двое, по трое. Мы друг другу помогали, все, кто поступал. И все почему-то выбирали меня. Поэтому говорю: я тебе и Царевна-Лебедь, и чемпион по бильярду!

– Сашка! Так ты же молодец!

Люба кинулась обниматься.

– Пусти! Ненормальная! – отбивалась Сашка. – Пусти меня, я есть хочу!

Обе наперегонки помчались на кухню.

Сашка включила чайник. Люба кинулась разогревать еду.

Она с самой встречи с Родькой была весела тем самым буйным, из-под контроля выходящим весельем, которое частенько чревато неприятностями, если вдруг накатывает в неподходящий момент. Хотя сегодня накатило как раз кстати. К приходу Данилы что-то такое и нужно. Злости только чуть-чуть подпустить.

Она даже знала, что ей поможет. Музыка. Что-нибудь пожестче. Врубить на полную, как только братишка проснётся!

Люба в возбуждении ходила из угла в угол. Музыка действительно помогала ей держаться в нужном состоянии. То есть, на взводе. Данила должен был появиться с минуту на минуту, и Люба готовила ему горячий, ох, горячий приём!

Наконец он пришёл. Она выскочила ему навстречу, ничуть не сменив выражения лица. Музыка продолжала нестись вслед за ней из динамиков. Пусть себе пока гремит, мама, когда нужно, выключит, посчитала Люба.

– Привет, малыш!

Ну конечно, он нисколько не переживал и не мучился угрызениями совести. Выглядел вполне довольным. Счастливым даже.

Люба прямо ненавидела его в этот момент. Она резко отвернулась.

– Ты чего такая надутая?

– Где ты был всё это время? – спросила она, не оборачиваясь.

Данила хмыкнул. Интересно, он так и думал скрывать от неё свое путешествие?

– Что молчишь? – Люба резко повернулась к нему. – Я всё-всё знаю!

– Так прямо и всё? – улыбаясь, спросил он.

Люба с досадой топнула ногой.

– Нечего смеяться! – крикнула она.

Данила моментально стёр с лица улыбку, соорудив преувеличенно серьёзную физиономию.

– Видеть не могу твои ужимки! И тебя тоже видеть не могу!

Из окна всё ещё доносились мощные звуки. Она рванулась домой, но он схватил её за локоть и не пустил.

– Спокойно. Чего ты завелась? Ну, съездил с ребятами отдохнуть. У тебя же всё равно экзамен. Я скучал, между прочим.

– Зато мне скучать не пришлось!

– Да пойми ты! Мы же не только развлекаться ездили. Это была деловая поездка. Ну не мог я отказаться, понимаешь? Тут стратегия...

– Плевала я на твою стратегию! – крикнула Люба.

– Не ори! – Данила вдруг резко сменил тон и нахмурился. – Я тебе не испорченный телефон. И не клоун!

– А я тебе не вешалка для ушей! То есть для лапши! Блин...

Данила засмеялся, так же внезапно отбросив суровость.

– Конечно, ты не вешалка! Ты Пеппи Длинный Чулок. Или фея Динь. Кто тебе больше нравится? А? Ну кто?

Он уже давно обнимал её, пытаясь поцеловать то ли в лоб, то ли в нос.

– Пусти! – Люба старательно уворачивалась, но уже больше для виду.

Музыка в окне смолкла. Даниле удалось в конце концов поймать её губы, и она затихла, покоряясь наступившей тишине.

– Ну вот, так гораздо лучше, – сказал он. Потом легонько встряхнул за плечи. – Пойдем, я покажу тебе небо в алмазах.

Данила взял такси, и они помчались по темнеющим улицам. Везде зажигались фонари. Любе, вновь счастливой, казалось, что алмазов и на земле с избытком.

Они приехали в парк. У самого входа гремела музыка. Люба поморщилась. Данила уловил её настроение.

– Наверху будет потише, – сказал он, наклонившись к ней, чтобы она слышала.

Люба хотела спросить, на каком это верху, но передумала. Пришлось бы громко орать, а ей не хотелось. К тому же через секунду она сама догадалась. Стремительно лавируя между гуляющими, они приблизились к колесу обозрения.

Пропустив Любу в кабинку, Данила запрыгнул сам, и они начали подниматься.

Пока за стенами кабинки медленно тонули фонари, павильоны и деревья, Люба раздумывала о том, что ещё не поздно перемахнуть через ограждение и спрыгнуть. Мысли эти были привычными. Она всегда прикидывала: с этой высоты спрыгнуть ещё можно, а вот отсюда уже нельзя. Ты в круге, а значит, едем дальше, хочешь ты этого или нет.

Колесо мерно поскрипывало. Наверху действительно было тихо. Ни говор, ни назойливая музыка не доставали. Они не исчезли, но остались внизу, словно на дне. Это даже хорошо, что они были, что при желании к ним можно было прислушаться.

Люба отвернулась и стала смотреть на небо. Одна за другой загорались звёзды. Любе казалось, что они появляются с тихим звоном. Дзин-нь – и проклюнулась на потемневшем островке небосвода.

В воображении поплыли были картины, в которых привычно фигурировали они с Данилой.

Вот они в корзине воздушного шара, зависли в неподвижном воздухе, одни в целом мире...

Прыгают с парашютом (откуда, зачем – это детали!), целуются, зависнув в неподвижном воздухе, одни в целом мире...

Или вообще в межпланетном корабле, далеко от Земли, зависнув в... Воздуха там нет – в невесомости. Одни в целом мире...

Однако Любе это скоро надоело. Она вдруг подумала о том, где сейчас их с Родькой воздушные шарики. Улетели, погибли, ночуют где-нибудь в ветвях деревьев, вместе с птицами?

Данила тронул её за плечо. Люба вздрогнула и обернулась. Они уже снижались. Колесо скрипело тем же голосом. В руках у Данилы оказалась крохотная коробочка. Он протянул её Любе:

– Открой, это тебе.

Люба недоверчиво повертела коробочку в руках. Потом отщёлкнула крышку. И восторженно взвизгнула. На ладони у неё сидела пчела, точная копия той, что она потеряла на Эльдorado.

– Нравится? – с улыбкой спросил Данила.

– Спрашиваешь!

– Я давно думал найти такую, раз уж она тебе так дорога. И только в «Берендее» нашёл, представляешь? В сувенирной лавке.

Упоминание о «Берендее» слегка кольнуло, но тут же исчезло. Надо же, он и правда там о ней не забывал! Коробочку она беспечно забросила куда-то за борт.

– Ну скажи, разве я не заслуживаю благодарности? – спросил он.

– Благодарности? Данила, да ты... ты... Я, кажется, тебя люблю! – растерянно произнесла она.

Данила удивленно вскинул брови. Потом улыбнулся и взял её за руку. Руки у него были длинные, так что он даже не изменил своего положения.

– Честное слово, ты самая лучшая! – сказал он.

Люба порывисто кинулась к нему.

– Осторожнее! Свалимся оба, – предупредил Данила.

– Ерунда! Отсюда уже не опасно.

Они вышли.

– Может, по пиву? – предложил Данила.

– Я несовершеннолетняя, – напомнила Люба.

– Ух. Какие мы правильные!

Люба засмеялась.

– Просто я пиво не люблю.

– Тогда по коктейлю? За любовь? То есть, за тебя!

– Давай!

Они взяли по коктейлю, чокнулись и выпили.

Люба медленно тянула свой напиток.

Они сидели у фонтана. Вода била вверх радужными струями. Такими они казались благодаря щедрому освещению парка. Из динамиков возле фонтана тоже звучала музыка, популярная классика, вроде «К Элизе» Бетховена. Конечно, сейчас её заглушало бодрое «тумс-тумс», востребованное якобы большинством гуляющих. Но расслышать можно.

Пчёлку Люба держала в кулаке, боясь потерять. Ей казалось, что талисман вернет ей удачу.

Из Любиной тетради:

*...А полюбив, не оглянусь,
В любви воистину слепа я.
Я чем угодно поклянусь,
Что у меня любовь такая,
Что искупает все грехи,
Без битвы покоряет страны,
О ней слагаются стихи,
О ней написаны романы...*

Но пчела поступила по-своему. Когда они с Данилой попросились, и Люба с ощущением блаженной усталости вытянула ноги в кресле, телефон завёл успешную забытую мелодию. Люба так и подскочила.

– Егор?

– Привет! – жизнерадостно откликнулся тот. – Извини, что я так поздно. Не терпелось тебя услышать.

– Ничего. Я не сплю.

– Я только что с поезда. Соскучился – жуть! Особенно на обратном пути. На сборах, понятное дело, не поскучаешь. У нас минуты свободной не было.

– Егор, послушай...

– Зато, прикинь, две недели у моря! Тренировки, пробежки – всё на берегу. Красотища!

– Егор, я должна тебе сказать...

– Ты не представляешь, какое это клёвое место! Я придумал: мы с тобой обязательно должны побывать там вместе. Да?

Люба вздохнула. Если всё получится, то она и в самом деле поедет к морю. Только уже не с Егором.

А он продолжал захлёбываясь рассказывать о своих приключениях, о местном спортклубе и новых друзьях. Люба вздохнула и с упрёком посмотрела на пчелу.

– Егор, хватит, слышишь? Не звони мне больше, пожалуйста! – крикнула она.

Его будто на бегу осадили – он резко замолчал.

– Подожди, – опомнившись, совсем другим тоном заговорил он. – Постой. Извини. Я увлёкся, наверное. У тебя что-то случилось?

– Нет. То есть, да! Я люблю другого. Прости меня. Ты очень классный на самом деле. Мне с тобой было интересно, но я люблю другого и... и... И не надо мне ничего говорить!

Она выпалила всё это скороговоркой, торопясь высказаться до того, как Егор заговорит. И тут же нажала «отбой». Зажмурилась и шумно выдохнула. Телефон зазвонил снова. Она его отключила.

В наступившей тишине громко бухало сердце. Соразмеряясь с его ударами, в голове звучала песня, одна из привязавшихся мелодий сегодняшнего дня.

Люба не помнила, сколько времени она просидела в одиночестве, тупо повторяя эту мелодию, уже замедлившуюся – сердце успокоилось.

Потом пришла Саша. Глаза у неё были красные, на лице виднелись кое-как смытые разводы от туши.

– Ты чего? – спросила Люба.

– С Максом поссорилась.

– Опять из-за меня?

– Нет. Просто он дурак! Ему, короче, не понравилось, что я за тебя сегодня в колледже светилась.

– Ты ему рассказала?

– Ну да. А он взбесился, идиот! Ненавижу! Возьму вот и тоже пойду в актрисы. Ему назло!

Люба прерывисто вздохнула.

– А у меня с Егором – всё.

– Да ну!

Люба кивнула.

– Блин, так тяжело, ты не представляешь! Это... Это как если бы я Персика в окно выбросила. Зимой.

Она закрыла лицо руками и разрыдалась.

– Ты чего?

Саша села рядом, моментально забыв про свои неприятности.

– Персик... Он тоже ни в чём не виноват, – всхлипнула Люба.

– Вот дура!

Сашка обняла её и тоже заплакала.

Глава 17

Из Любиной тетради:

Л. застыла над бесчувственным телом. Он сдержал клятву. Его лицо было прекрасно даже в смерти – красивое лицо когда-то любимого человека. Он мужественно отступил, не желая препятствовать её счастью. Но имела ли она право быть счастливой?

Всё это неправда! Мы почти никогда не жалеем тех, кого оставили. Во всяком случае, на пороге нового чувства. Любовь отнимает слишком много сил, их больше ни на что не хватает. Всё достаётся одному-единственному – тому, ради кого.

От раскаяния не умирают.

И Любе хотелось жить, как никогда! Утром она забыла про свои вчерашние слёзы. Ею вдруг овладела какая-то бешеная жажда деятельности, тяга к чему-то новому.

Она принялась за уборку. Достала пылесос, перетряхнула все книги, выбросила кучу ненужных вещей. Оглядевшись, она не удовлетворилась сделанным и решила помыть стёкла.

Шторы с окна упали легко и бесшумно, словно одежда к ногам. Сразу показалось, что раздетое окно пропускает больше звуков.

Люба принесла таз с водой и принялась мыть. Напевая вполголоса, она оттирала стёкла: до прозрачности, до невидимости! Как хорошо, когда нечего скрывать, нечего прятать! Какая свобода!

Мимо опять прошёл знакомый малыш с мамой за руку. Последнее время они что-то не появлялись, или Люба просто их не слышала. Он семенил за матерью и по-прежнему ныл. Но если раньше он просто монотонно гудел, то сейчас ещё и взвизгивал время от времени, словно изучая пределы своего голоса и мамино терпение.

Последнее явно истошалось. После каждого вскрика мать с силой дергала его за руку, он мотался вперед, не прекращая ныть. В его голосе Любе

послышалась такая сосредоточенная безнадёжность, что она застыла с тряпкой в руке, провожая мальчишку глазами.

Ей вдруг надоело наводить чистоту, и окно она домыла без прежнего энтузиазма. Потом загрузила шторы в стиральную машину и, послонявшись по дому, подошла к маме.

Та собирала паззлы на журнальном столике. Рассеянно оглянувшись на дочь, она потянулась за очередным фрагментом цветной картинки. На столе застыли наполовину сложенные пастушка и трубочист из сказки Андерсена. Люба присела рядом.

– Мам, я хотела спросить, – начала она.

– Да?

– Актрисой вообще трудно быть?

– Как тебе сказать, – задумчиво сказала мама, продолжая своё занятие.

– В любой профессии свои трудности.

– Это понятно, – перебила Люба. – Но вот скажи... Тебе, например, паршиво, а надо радость играть. Или, наоборот, самый трагический момент, а тебя на ха-ха пробивает. Бывает такое?

– Сплошь и рядом.

– И как же тогда?

– Забудь про себя, живи за другого. Пока ты на сцене, естественно.

– А если я не могу? Или не хочу?

– Ну и иди тогда, мети пол в гримёрке... И где только шляпа у этого трубочиста? Ты не видишь?

– Нет... Мам, а от любви умирают?

– Ну и переходы у тебя! Не знаю. На моих глазах ещё никто не умер.

– А ты папу любила?

– А то как же!

– А дядю Андрея?

Мама вздохнула и подняла глаза.

– Тоже люблю. Ты почему спрашиваешь? Дай мне шляпу, она у тебя под локтем.

– Ну как же, – Люба подала недостающий пазл. – Любишь одного, потом другого, потом третий, может быть, появится. Это что же, никакой вечной любви? Один обман? Зачем тогда жить вообще?

– Гос-споди, дочь! Какие ты вопросы задаешь! И кто бы тебе на них ответил... Ты же растёшь как-никак.

– И что?

– А то! В глубоком детстве ты любила булку, размочённую в молоке. Чтобы прямо каша в бокале, и ты её оттуда ложкой. Не помнишь?

– Мерзость какая, – поморщилась Люба.

– Вот! Теперь тебе совсем другое нравится. И с людьми так же.

– Всю жизнь?

– Да нет, повзрослеешь – остановишься.

– Ну конечно! – взорвалась Люба. – Вот именно что остановишься! Потому что взрослым уже никакой любви не нужно! Расчёт один!

Она грохнула ладонью по пастушке, испортив почти завершённую картину.

– Ну, спасибо! – сказала мама.

Непонятно, к чему относилась её ироничная благодарность: то ли к раздолбанному паззлам, то ли к реплике дочери насчёт взрослых. Люба удалилась.

Вечером она с теми же вопросами пристала к Даниле. Они стояли на крыльце флигеля. Дело было после репетиции.

Грибов всё-таки поставил дублёра на место Гарика, и репетиции продолжались.

Из дверей один за другим выходили ребята. Вот появились Лика с Машей и Артёмом, а вслед за ними – Рената! Вышла и откинула волосы назад, щурясь от солнца.

Мельком взглянув на них, Данила потянулся к Любе.

– Умирают не от любви, умирают без неё, – прошептал он в ответ на её вопрос.

Девчонки распрощались Рената, проходя мимо них с Данилой, сухо кивнула.

– Чего это она здесь делает? – спросила Люба, дёргая Данилу за рукав.

Тот молча смотрел вслед уходящей девушке.

– А? – откликнулся он. – Она тут вроде парламентёра. «Аполлон», понимаешь, зовёт объединяться. Нечего, мол, силы дробить. Институт всё равно только одну заявку на «Волну» подаёт. Понятно, кого туда пошлют. Но если объединяться, то ясен пень, что на их условиях.

– И что, совсем ничего нельзя сделать?

Данила подумал.

– Можно поехать в обход организации. Но это за свой счёт. Не все потянут.

– Да, дела, – только и сказала Люба.

У неё самой вступительные экзамены близились к концу. Завтра она должна была пройти собеседование – и конец.

То есть, начало.

Если повезёт, конечно.

Глава 18

Ночью Люба спала плохо. Ей снился Егор, снился Данила, оба в чём-то её обвиняли. Во сне у неё разболелась голова. Потом её мучил какой-то непрерывный назойливый гул.

В конце концов она поняла, что это ей не снится, и проснулась окончательно. Разбуженная утренним солнцем, в стекло билась невесть откуда взявшаяся пчела.

Тихо ругнувшись, Люба поднялась с постели. Стараясь не разбудить спящую Сашу, открыла окно и попыталась спровадить мохнатую гостью.

– Пошла! Пошла! – шёпотом понукала она.

На подоконник прыгнул заинтересованный Персик. Люба сбросила его на пол. Пчела поднялась к потолку, описала круг и подлетела к самому Любиному лицу. Та в испуге махнула рукой, и...

От её визга Сашка вскочила, словно ужалили её, а не сестру.

– Ты чего?

– Вот зараза! Прямо в глаз!

– Жало надо вынуть. Дай посмотрю.

Укус пришелся в щёку, но глаз и в самом деле быстро заплывал.

– Ой, мамочки! – ужаснулась Люба, увидев себя в зеркале.

– Надо землей, я слышала, – Саша кинулась к цветочным горшкам и принялась ковырять почву.

– Не надо. Не поможет, – сказала Люба. – Собеседование через два часа. Саш, что делать?

Она заплакала. Ей вдруг стало ужасно обидно. От пчелы она такой подлости не ожидала. За Егора она отомстила, что ли?

– Не реви. Может, сойдёт еще, – Саша кивнула на опухшую левую сторону Любиного лица.

– Да-а. Сойдёт, как же. Вон как пухнет!

Ни холодная вода, ни примочки не помогали. Через час щека перестала увеличиваться в размерах, но в то же время стало ясно, что к назначенному времени опухоль не исчезнет.

– Я с такой рожей никуда не пойду! – заявила Люба.

– Не ходи, не ходи, – насмешливо откликнулась мама. Она тоже принимала участие в суете вокруг дочери. – Подумаешь, экзамен, важность какая...

Люба, поглощённая созерцанием себя в зеркале, пропустила её реплику мимо ушей.

Сашка исподлобья посмотрела на неё и на мать и принялась торопливо одеваться.

– Ты куда? – удивлённо спросила мама.

– На собеседование, куда ещё?

Люба круто повернулась к ней:

– Саш, правда?

– Ну, а что? Зря что ли, в самом деле...

Она не договорила. Дома никто до сих пор не был осведомлён насчет их рокировки на предыдущем экзамене. Мама только руками развела.

Весь день Люба сидела, как на иголках.

Звонить Саше она боялась: вдруг помешала бы.

Если бы не заплывший глаз, о котором она вспоминала каждые четверть часа, бегая в ванную и принимаясь то умываться ледяной водой, то мазать лицо поочередно мазью от ожогов и освежающим лосьоном, она бы вообще сошла с ума от томительного ожидания.

Наконец Саша появилась.

– Ну? – встретила её Люба.

– Короче, врать не буду, – решительно начала Саша, ныряя в домашние тапочки. – Но, кажется, всё благополучно! – весело закончила она.

Люба облегчённо вздохнула. Пока Саша рассказывала, как проходило собеседование, какие вопросы ей задавали, кто присутствовал на экзамене, Люба поймала себя на мысли, что испытывает скорее облегчение, чем радость. Прошло – и ладно.

– Если честно, – продолжала Саша, – то я тебе даже завидую. Там такие ребята классные подобрались. И учиться, похоже, весело.

Они уже сидели на кухне, и Сашка уписывала творог со сметаной. Позавтракать сегодня утром ей, как и в прошлый раз, не удалось.

Люба фыркнула:

– Слышал бы тебя Макс!

– М-м! – промычала Саша с набитым ртом. – А что Макс? Он, надо думать, из-за Данилы бесится. Потому что за брата ему обидно. Если бы не это, он был бы не против... У тебя, кстати, глаз проходит, – кивнула она на Любу.

Люба коснулась щеки. Опухоль, и правда, стала заметно спадать.

Она обрадовалась. К вечеру лицо более-менее пришло в норму. Но не настолько, чтобы Люба решилась показаться на глаза Даниле. И хотя Сашка уверяла, что ничего, можно, она позвонила любимому и отменила свидание.

Ну что ж, сказал он, жаль, конечно, но куда деваться, потерпим. Восстанавливай силы. И Сашке привет передавай, она молоток!

В глубине души Люба была разочарована. Она надеялась, что он тут же примчится к ней, будет утешать и лечить...

Она уселась на полу и задумалась. Интересно, сегодняшний вечер для него так же пуст, как для неё?

Она сама не заметила, как их ежедневные свидания стали для неё необходимостью. Начиная с полудня, она каждый день испытывала постоянную тревогу. Всё, что не было связано с Данилой, казалось ей лишённым смысла. И потому, что бы она ни делала дома – гуляла с Лёвкой, беседовала с сестрой, помогала матери – всё валилось у неё из рук. Внутри что-то всё время ныло и замирало, будто сердце работало с перебоями.

Раньше она не испытывала ничего подобного. С Егором всё было намного легче и проще. Ей никогда не хотелось, например, подсматривать за ним.

Меж тем при мысли о Даниле у неё возникало порой внезапное и острое желание сию секунду узнать, где он и что делает. Она прямо с места вскакивала, она готова была, словно князь Гвидон, превратиться в какого-нибудь комара, чтобы лететь к нему.

Люба вздохнула и посмотрела в окно. Снизу вверх было видно только небо. По небу плыли тучки. Они были маленькие и подвижные: куда-то летели и беспрестанно меняли очертания. Нельзя было даже сказать, на что они похожи – какое-то туманное месиво. Вот проплыла облачная рыба. На ходу вытягивая пасть и отращивая когти, она обернулась змеем устрашающего вида. А облачный слон на лету превратился во что-то растительное, кактусообразное.

У Любы закружилась голова, и она закрыла глаза.

Глава 19

На столе у тётки Лизы красовались искусственные цветы. Букет ярко-жёлтых тюльпанов. Хотя «красовались» – не то слово. Ужаснее цветов Люба в жизни не видела. Они так и притягивали взгляд, словно жёлтый глаз питона, завораживая и не давая пройти мимо. Не исключено, что вахтерша именно этим соображением и руководствовалась. А может быть, просто была подслеповата.

– В седьмом нет никого, – сообщила она Любе, не отвечая на её приветствие.

Аудиторией под номером семь числился репетиционный зал, в котором обитал «Апельсин».

– А где все? – спросила Люба, не отрывая глаз от цветов.

– Разошлись, – кратко ответствовала вахтерша.

Люба растерянно топталась на месте, соображая, что бы могло выгнать оттуда Грибова и остальных.

Она уже развернулась, чтобы уйти, но тётка Лиза окликнула её:

– Ладно уж, поди посмотри, там вроде кто-то оставался.

– Спасибо, – поблагодарила Люба и скользнула в коридор.

В зале она увидела Данилу, Артёма и Мигеля.

Сам Грибов тоже был здесь. Он сидел на сцене, прямо на полу.

Артём оседлал стул. Мигель с Данилой стояли у окна.

Увидев Любу, Данила кивнул.

– Всё. Кончился «Апельсин», – сказал он в ответ на её вопросительный взгляд.

– Что, всех переманили? – поняла она.

– Кроме нас, – уточнил Мигель.

Он курил у окна, выпуская дым в форточку и туда же стряхивая пепел. Погода со вчерашнего дня дурила, ветер врывается в окно, и пепел сыпался Мигелю на голову.

– Ну и пусть катятся к чёрту! – горячо воскликнул Артём. – Всё равно. Сегодня они рулят, а будущее всё равно за нами. А они вымрут, как мамонты.

– Да ладно вам, ребята, – подал голос Грибов. – Вы бы тоже себе жизнь не усложняли, шли бы отсюда. Встретимся ещё, может быть, в лучшие времена.

– Геш, мы уже закрыли тему, – негромко возразил Данила. – Мы остаемся с тобой.

Грибов коротко усмехнулся и снял очки. На переносице у него остался след. Он потёр его пальцем и зажмурился.

Любе стало его жалко – таким он выглядел уставшим и растерянным.

– Тоскливо, – признался Данила, когда они с Любой вышли на улицу.

Свирепый ветер тотчас охватил обоих. Люба поёжилась. Привыкнув к жаре, оделась она не по погоде. Данила тоже передёрнул плечами и покрепче прижал к себе пакет с кое-каким оставшимся реквизитом.

Вдали полыхнуло, и через несколько секунд раздался раскат грома. Гроза надвигалась, но как-то вяло. Тучи, правда, неслись всё стремительнее. Они уже не имели формы, текли сплошным потоком. Но вот вдали громы-хвать – громыхало, а приблизиться гроза будто не решалась.

Данила тоже хмурился. Отвечал он рассеянно и невпопад, и вообще разговаривал с видимой неохотой. Видно было, что занимает его сейчас совсем другое.

– Извини, малыш, – наконец сказал он. – Сегодня какой-то не слишком удачный день. И вообще, знаешь... Надо было тебе сразу сказать. Я перед тобой виноват...

Тут наконец грохнуло. Да так, что оба вздрогнули. Люба присела и закрыла уши. Казалось, даже деревья съёжились, прижимая листву к веткам.

– Вот это залп! Ты грозы не боишься? – спросил Данила.

– Не очень. Так что ты хотел мне сказать? – напомнила Люба. – И в чём ты виноват?

– А? Да хотя бы в том, что заставил тебя грустить. Прости, я сегодня не в форме. Давай встретимся в следующий раз.

Он вызвал такси и отправил Любу домой, так как начал накрапывать дождь. Пока они дожидались такси и прощались, закапало сильнее.

Люба уселась в машину и посмотрела на Данилу. Тот поднял руку в прощальном жесте, машина тронулась, и он скрылся из виду.

Внутри было сухо и тепло. Звучала музыка. По стеклу уже бежал сплошной поток. Любе казалось, что это не пейзаж меняется за окном, а этот самый дождевой поток начисто, слой за слоем, смывает недавние события её жизни. Исчезали Данила, театральная площадь, парк с фонтанами, здание колледжа... Люба прислонила руку к стеклу, пытаясь остановить безжалостный водопад – но тщетно. Она испугалась, что дождь вообще всё смоеет.

– Остановите! – в испуге закричала она.

Водитель удивлённо покосился на неё, но послушался.

Люба поспешно открыла дверь и выскочила наружу. Её охватили ледяные капли, ветер засвистел в ушах.

Она ещё постояла, окончательно стряхивая наваждение. Потом побежала домой.

Глава 20

Гроза бушевала всю ночь. Люба и вправду её не слишком боялась. Чего нельзя было сказать о Саше. Посреди ночи она проснулась, прогнала Персика, который, по её словам, притягивал электричество. Кот тоже выглядел встревоженным.

Саша вздрагивала от каждого раската грома, накрывалась с головой, вскрикивала и не давала Любе спать. Впрочем, Люба и без того спала плохо.

Её знобило от вчерашней пробежки под дождем и ветром. Кроме того, мучило что-то ещё, какая-то недосказанность. Мелкая какая-то деталь, которую вчера смыло дождем, и она не успела её рассмотреть. Только под утро, когда гроза начала стихать, Люба забылась тяжёлым и чутким сном.

Проснувшись она от знакомого цоканья каблучков. Звук слышался даже через закрытое окно. Однако всегдашнего нытья за ним не последовало. С Любы вдруг слетело оцепенение. Она одним движением сбросила одеяло и подскочила к окну.

Тётка была, кажется, та самая, а вот мальчишки с ней не было. Скользнув в первую попавшуюся одежду, Люба распахнула окно и прыгнула наружу. Сашка, измученная бессонной ночью, даже не проснулась.

Разбрызгивая лужи, Люба догнала женщину.

– Стойте! А мальчик где?

– Какой мальчик? – растерялась та.

– Маленький. Сын ваш.

Женщина отрицательно покачала головой:

– Девочка, ты ошибаешься. У меня нет сына. У меня вообще детей нет.

– Как это нет? Ну, вы же каждое утро... Он еще в садик не хочет!

Люба рассердилась и топнула ногой. Удар пришелся на маленькую, в несколько брызг, лужицу. Женщина опасливо отстранилась.

– Я не знаю, кто не хочет в садик, – сказала она. – Многие дети не хотят. Я тоже не хотела, когда была маленькой. Можно, я пойду?

Она попыталась обойти Любу, стоявшую у неё на пути. Та посторонилась.

– Извините, – растерянно произнесла она.

– Ничего, бывает, – дружелюбно откликнулась женщина.

Люба развернулась и медленно побрела домой. И тут она увидела Родьку.

– Привет! – поздоровался тот.

– Привет, – хмуро ответила Люба. Честно говоря, она не особо жаждала с кем-либо общаться. – Ты, как обычно, здесь случайно?

– Типа того, – подтвердил Родька. – Грибов уехал, ты знаешь?

– Уже? Я же его только вчера видела.

– Ну, то вчера! Геша на подъём легок.

– М-м, – неопределённо промычала Люба. – А ты чего в такую рань припёрся?

– Вообще-то одиннадцатый час уже, – заметил Родька.

– Ах, вот оно что! – воскликнула Люба.

Выходит, она и правда напрасно приставала к этой тетке на каблуках. Свою знакомую парочку она проспала. Да на что, в самом деле, они ей сдались! – рассердилась она на саму себя.

Родька посмотрел на неё.

– Ты не замёрзла? Нет, я, конечно, уже понял, что ты любительница мокнуть под дождём...

Люба надела куртку, но вот брючки впопыхах натянула короткие. И кроссовки на босу ногу.

Родька её вдруг тоже разозлил.

– А если замёрзла? Твоё какое дело?

Родька промолчал.

– Слушай, а ты со всеми такой... самоотверженный? – Люба распалась всё больше, непонятно отчего.

– Нет, – ответил Родька, смотря под ноги.

– Слушай, твою девушку не тревожит, что ты по городу зигзагами ходишь, чтобы случайно возле моего дома оказаться? Или она не в курсе?

– В курсе.

– Она что, совсем не ревнивая? Или ты бросить её хочешь?

– Может, и хочу! – с вызовом ответил Родька.

– Что так?

– Да она у меня дура совсем!

Люба выжидающе смотрела на Родьку. Похоже, не одна она сегодня заводится с пол-оборота. Или это заразно?

– Я её люблю, а она не понимает. То ли тупит, то ли просто... на привязи держит, – он схватил её за руку. – Я это о тебе, между прочим! Я ведь с тобой на край света, только скажи! Машины у меня, правда, пока нет. Яхты тоже. О чем вы, девчонки, ещё мечтаете? Коня белого? И коня нет. Велосипед только. Но я бы и на велосипеде... Куда ты хочешь? Хоть к Берендею, хоть к чёрту на кулички! Я бы педали всю дорогу за двоих крутил, и не устал бы!

Он осёкся и выпустил её. Люба ошарашенно смотрела на него.

– А с Даней у тебя всё равно ничего не получится, – сказал он, отводя глаза. – Он Натку любит. Они с первого курса встречаются. Просто поссорились из-за театральных этих разборок. А он её все равно любит. И она его. Даня с тобой встречаться начал, чтобы её позлить. Или забыть. Не знаю уж.

– Врёшь! – выдохнула Люба.

– Вру! – Родька с вызовом вскинул голову. – И про то, что люблю тебя, тоже наврал. И про велосипед. Не хочешь – не верь.

Он повернулся и пошёл прочь, опустив голову.

Люба молча смотрела ему вслед.

В комнату она вернулась тем же путем – через окно. Сашка приподняла голову с подушки и уставилась на неё ничего не понимающим взглядом. Люба приложила палец к губам. Сашка кивнула и вернулась в прежнее положение.

Не раздеваясь, Люба схватила телефон.

– Да! – голос Данилы звучал недовольно.

Может быть, он тоже только что проснулся? На том конце звучала музыка, приятная и смутно знакомая.

– Даня, нужно встретиться!

– Сейчас не могу, извини. Я перезвоню, – он бросил трубку.

Люба озадаченно прижала замолчавший телефон к губам. Да, бывало и раньше, что Данила бросал трубку и обещал перезвонить. Но делал это как-то... не так поспешно, что ли.

Люба почувствовала, как в ушах у неё начинает звенеть от закипавшего чувства обиды. Ей захотелось тут же, немедленно, увидеть его и потребовать отчёта. В чём? Она и сама уже не знала. Да хотя бы в том, почему он проигнорировал её пару минут назад, не поняв, как он нужен ей именно сейчас!

За дверью негромко бурлила жизнь: доносилось бормотание телевизора и возгласы братишки.

Люба с сомнением оглянулась на окно. Ей не хотелось встречаться с домашними.

Данила наверняка дома. Люба вспомнила музыку, сопровождавшую его реплики. Ну и что, пойду к нему, подумала она, совсем забыв, что она так до сих пор и не знает, где живёт Данила.

За дверью телевизор забормотал громче, и Любу внезапно осенило, что Данила вовсе не дома.

Она вспомнила, где слышала эту музыку. Это же одна из мелодий музыкального фонтана! В парке!

Уже не раздумывая, она прыгнула в окно и помчалась по направлению к парку. Да уж, путь в тесной маршрутке отличался от волшебного путешествия, которое несколько дней назад подарил ей Данила! Сейчас за окном мелькали не праздничные огни, а мокрые дома, озябшие деревья, сгорбившиеся от ветра прохожие...

Поспешно расплатившись, Люба побежала вглубь парка. Она уже слышала музыку, доносившуюся от фонтана, который, несмотря на дождливую погоду, продолжал работать.

В этот час в парке было пусто, и Люба еще издали их заметила. И с разбега остановилась, будто сбитая влёт.

Они сидели в кабинке чёртова колеса. Точнее, сидел Данила, нахлебавшись и засунув руки в карманы. Рената стояла, опершись о заграждение. Она что-то говорила, время от времени кивая головой.

Дальше было словно в немом кино.

Под замирающие финальные аккорды моцартовской сонаты Рената повернулась, чтобы уйти.

Данила вскочил, преградил ей путь, в свою очередь заговорил, бурно жестикулируя.

Рената закрыла лицо руками и отвернулась.

Он обнял её.

Она тоже его обняла.

И оба замерли.

Зазвучало «Утро» Грига.

Люба медленно отступила на шаг. Потом ещё на шаг. Потом повернулась и пошла, так и не обнаружив своего присутствия.

Она двигалась, не разбирая дороги. Внутри у неё звучала солнечная григговская мелодия, а воображение рисовало продолжение немого фильма.

Смотреть его было мучительно, но Люба смотрела – с какой-то жестокой радостью, саму себя истязая. Для неё уже не будет ни нового утра, ни прежнего Эльдорадо!

Она шла и думала, как лучше умереть. Порезать вены, наглотаться таблеток, прыгнуть с крыши... Только ведь всё равно скорее всего откачают. Будет только некрасиво и больно. Это плохо – когда больно.

Люба посмотрела на свою руку. Костяшки содраны в кровь. Это она, кажется, с досады саданула – по скамейке, что ли.

Кто это придумал, что физическая боль заглушает душевную? Чушь! Рано или поздно ссадины заживают, и внутренняя боль, совсем не растроченная, наступает с новой силой и яростью.

Снова пошёл дождь. Ветер пригоршнями швырял ей в лицо ледяные капли. Давай, зло подумала она, добивай, чего уж! Весь мир ополчился против неё! А все потому, что отвернулся один-единственный человек. Нет, нет, умереть немедленно!

«Любовь моя», – вспомнила она. Этой любви ей не пережить. Умереть, и пусть ему будет стыдно и горько! Или нет, пусть он будет счастлив и иногда в минуту тихой грусти вспоминает о ней. И пусть тогда ему будет стыдно и горько!

Она уже не шла, а бежала. Злополучный парк давно остался позади, её выбросило на городские улицы, и навстречу уже неслись дороги, машины, светофоры. Люба на них не смотрела. Ей было всё равно – зелёный или красный, люди или машины, близко или далеко.

Она опомнилась только тогда, когда увидела слева от себя, совсем рядом, удлинённые фары автомобиля. Потом ощутила сильный удар сзади, по ногам, и услышала режущий скрип тормозов...

Глава 21

Тело лежало на асфальте, у обочины, лицом вниз. Вокруг моментально собралась толпа. Кто-то уже вызывал скорую, кто-то звонил в милицию. Вдруг тело пошевелилось, потом медленно приняло вертикальное положение. Толпа отпрянула.

Мальчишка сел, ощупывая руками голову. На лбу у него красовалась огромная ссадина. В нескольких метрах от него валялся помятый велосипед. Он-то и сбил Любу с ног. Сама она осталась абсолютно невредимой, уже оправилась от потрясения, стояла в стороне и, открыв рот, наблюдала за происходящим.

Повторяя, что она медработник, к пареньку устремилась молодая женщина, водитель одной из притормозивших рядом машин. Она стала ощупывать ему голову, заглядывать в глаза, оттягивая веки. Потом забинтовала ссадину.

Мальчишка уже улыбался и отрицательно качал головой, уверяя, видимо, что всё в порядке. Он показался Любе похожим на Родиона.

А ведь это он из-за меня, подумала она.

На неё никто не обращал внимания. Она медленно побрела вдоль улицы. К ней постепенно возвращалось ощущение реальности: краски, звуки, запахи. А заодно тепло и холод. Она вдруг почувствовала, как сильно замёрзла. И промокла. На ней сухого места не было. И ей захотелось домой, к маме и Лёвке, к Сашке, которая теперь наверняка проснулась. Захотелось выпить горячего чаю на кухне, где жёлтые с подсолнухами обои, из-за которых в любую погоду кажется солнечно и тепло.

Люба потянулась за мобильником. Казалось, ей уже сто лет никто не звонил. Посмотрев на дисплей, она усмехнулась:

- Вау! Какие люди!
- Привет, малыш! Как дела?
- Нормально, – прогудела Люба в нос.
- Ты там не рыдаешь часом?
- Очень надо! – фыркнула она.
- А почему голос такой?
- Насморк у меня! Болею.

Со вчерашнего дня она действительно валялась в постели с жестокой простудой.

– А-а, ну тогда ясно. Люб, ты не думай, что я тебе врал, – сказал Данила после короткой паузы. – Ты мне правда понравилась. Я даже думал, что влюбился. Но оказалось, что Натку я забыть не могу. Она для меня...

– Ладно, не продолжай, – перебила Люба. – Всё я понимаю. Переживу как-нибудь. Или ты думал, раз я эмо, то сразу вешаться побегу?

– Не то чтобы именно так, но... Слушай, какая ты молодец!

– Да, я такая.

– Знай, что ты всё равно можешь на меня рассчитывать. Если с учёбой проблемы будут или ещё что.

– Спасибо. Только я передумала насчет учёбы.

При этих её словах в комнату вошла Саша, которая принесла горячий чай с малиной.

Сестра изумлённо воззрилась на неё.

– Как это? Ты же по конкурсу прошла! – воскликнул Данила.

– Ага, прошла. Только мимо.

– Не принимай поспешных решений, ладно?

– Это не поспешное решение. Просто я поняла, что меня с театром ничего не связывает. Это ты меня туда втянул, да ещё вспомнилось детство золотое. Вот и всё.

– Ну, ты даёшь!

– Даю! – согласилась Люба. – А на «Волну» ты всё-таки едешь, кстати?

– Да, – неохотно сказал он.

– Я так и думала. Рената убедила. Да всё правильно! – поспешила она его успокоить. – Грибов всё равно уехал. А тебе зачем время терять? Он сам сказал: если надо, встретитесь. Так что удачи! – заключила она.

Данила помолчал.

– Я серьёзно, – сказала Люба, понизив голос. – Желаю удачи. Я не злюсь. Правда.

– Спасибо тебе, – сказал Данила. – Ты, наверное, и правда самая лучшая. Ты...

Но Люба уже не слушала.

– Ты серьёзно, что ли, насчет колледжа? – спросила Саша.

Она всё это время стояла рядом, не вмешиваясь в разговор, но и не уходила.

– Угу, – кивнула Люба, беря в руки чашку с чаем и отхлёбывая.

– Ты же вроде поступила уже! – повторила Саша слова Данилы.

– Не я, а ты, – Люба серьёзно взглянула на сестру. – Вот ты и учись. Тебе же там понравилось.

– Понравилось. А как же... Ну, документы там. И вообще.

– Да разруем как-нибудь! – беспечно воскликнула Люба.

У Сашки заблестели глаза. Она, похоже, мысленно рисовала грядущие перспективы.

– А ты не передумаешь? – спохватилась она.

Люба снова отхлебнула из чашки и покачала головой:

– Нет. У меня в планах кое-что другое.

– Что?

Люба с сомнением посмотрела на сестру.

– А ты никому не скажешь?

– Клянусь!

Поколебавшись, Люба достала из-под матраца свою розовую тетрадь.

– Вот. Хочу куда-нибудь, чтобы связано с литературой.

Саша наугад открыла тетрадь, прочитала пару страниц. Лицо её просияло:

– Любаш, это же здорово! Ты прямо писатель! – она прижала тетрадь к груди. – Я потом почитаю, можно? А сейчас побегу – маму озадачу.

Люба погрозила ей кулаком:

– Только чтоб никому! Ты обещала!

– Ну! – возмутилась Саша.

И убежала.

Люба проводила сестру взглядом. Улыбка сбежала с её лица. Она закрыла глаза руками и несколько минут сидела неподвижно. На самом деле непринуждённый разговор с Данилой дался ей не так уж легко. Только присутствие Сашки удержало её от того, чтобы не разреветься, как только она бросила трубку.

Любовь вырвалась от неё, как яркий воздушный шарик в небо. Её нужно было отпустить, и Люба отпустила. Но теперь ей было больно смотреть, как она улетает.

Люба запрокинула голову, стараясь проморгать набежавшие слёзы. Может быть, любовь и важнее жизни. Но теперь Люба была уверена, что добровольно от жизни отказываться нельзя. Хотя бы для того, чтобы проверить, так ли это.

Поколебавшись, она снова взялась за телефон. На этот раз она звонила Родиону. Тот долго не отвечал.

– Считай, что отомстил, – сказала Люба, когда тот наконец взял трубку.

– Чего тебе? – неохотно отозвался он.

– Злишься, да?

– Есть немного.

– Зря. А я вот тут подумала... Своего велосипеда у меня нет. Если ты ещё согласен крутить педали за двоих, может, покатаемся? Только не там, где машины! – поспешно добавила она, вспомнив вчерашнюю аварию.

– Само собой. В парке или на набережной. – Родька не умел долго злиться. – А чего это тебя вдруг на велоспорт потянуло?

– Да так... У тебя какой велосипед?

Родька назвал. Любе это мало что дало. Она и спросила-то для того, чтобы перевести разговор на другую тему.

– Почему у тебя голос такой? Простудилась? – спросил Родька.

– Ага.

– Ну, ничего. Ты выздоравливай. Погода сейчас всё равно не очень. Вот солнце выглянет, тогда и покатаемся. Ты, главное, выздоравливай, – повторил он.

Они распрощались.

Люба сползла под одеяло и через голову посмотрела в окно. Родька утешал её, говоря о плохой погоде.

Солнце всё настойчивее проникало сквозь облачную завесу. И ветер, хотя он завывал всё так же устрашающе, из противника превратился в союзника. Теперь он энергично разгонял тучи.

Прорехи между ними напоминали рваные раны. Пройдет несколько дней, и они исчезнут. Люба уже видела за ними небо – глубокое, неправдоподобно синее, будто заново отмытое.

Лето продолжалось.